

боедовы, Ушаковы, Аргамаковы и Радищевы состояли в родстве. И потому Анна Ивановна бывала в имении у адмирала Федора Федоровича Ушакова в Темниковском уезде недалеко от Санаксарского монастыря. Есть основание считать, что и А. Радищев тоже был знаком с адмиралом.

Кто-то донес на Киприана об его участии в переписке рукописи (а он управлял и богатой библиотекой монастыря, при которой служили писцы). Киприан был срочно затребован 17 сентября 1800 года епископом Феофилом в Тамбовскую духовную консисторию по чрезвычайному происшествию. По-видимому, там Киприан смог убедить епископа, что, вообще-то, Радищев описывает события в России достоверно, и после допроса отношение Феофила к казначею изменилось в лучшую сторону, он вернулся вновь в Саров. Однако 10 декабря Феофил снова призывает Киприана в Тамбов, но уже вместе с Исаей – настоятелем монастыря – «для нужного весьма совета». По возвращении из Тамбова Киприана вскоре (в конце 1802 г.) направляют в Петербург для решения дел о спорных монастырских землях. Завершив благоприятно эти дела, он остался в Александро-Невской лавре, где и скончался в 1806 году в возрасте 48 лет. А Анна Ивановна Аргамакова жила после 1801 года в Москве на Остоженке в доме П. А. Ушаковой, где и почил в 1806 году, будучи похороненной в Новодевичьем монастыре.

Тем не менее на Радищева тоже поступил донос в царский двор о наличии рукописи запрещенной книги и списках с нее с новыми правками и дополнениями писателя. Когда же до Радищева дошли слухи, что на него снова готовятся репрессии, то он в 1802 году выпил стакан кислоты и умер «в страшных мучениях».

Вот таким исторически интересным оказался Саров, куда мы направлялись, и окружающая его местность.

Когда на шестой день нам опять отказали в пропусках, мы уже начали возмущаться и говорить, что сегодня соберемся и уедем обратно в Москву. Тогда один из работников отвел нас в сторону и тихонько сказал, что таких, как мы, здесь достаточно и никто не ропщет. А в Москву ехать не надо. Лучше отправиться недельки на две домой и затем вернуться, тем более что в отпуск нас несколько лет из зоны не выпустят. И опять напомнил, а чего бы и не погулять, коль зарплату-то начисляют! Идея мне понравилась, тем более что дома я мог почитать книжку про Саровский монастырь. И поехал к себе в деревню Анциферово Рязанской области, а Николай – в Кохму Ивановской области.

13. НА СТРОЙКАХ «ОБЪЕКТА»

Действительно, когда мы в конце марта в оговоренный день утром вернулись в Шатки (я со старинной книгой о Саровском монастыре), то нам объявили, что пропуска оформлены и мы можем сегодня вечером ехать поездом на «объект». Ждать конца дня не захотелось, и мы стали просить отправить нас с каким-либо ближайшим товарным поездом. Поговорив с кем-то по телефону,

начальник сказал, что в 10 часов утра отходит «товарняк», но в нем нет крытых вагонов, а только платформы. И если мы готовы (день-то мартовский, солнечный и теплый!), то он даст указание главному кондуктору довезти нас до места. Мы тут же согласились и побежали собирать вещи. Второпях распрощались с нашей временной доброй хозяйкой и кормилицей, расплатились за проживание и поблагодарили за гостеприимство, обещали при возможности заглядывать (я года через четыре забежал во время стоянки поезда и встречен был как ближайший родственник). Быстро вернулись обратно и через десять минут отправились довольные собой на груженной бутовым камнем платформе в «атомный центр». Рядом с узкой колеей уже действовала в нескольких местах и широкая колея, по которой мотовозы перевозили на платформах людей и грузы.

Позднее я узнал, что узкоколейку от Ташино (Первомайск с 1951 г.) до Берещино построили в 1923 году, а от Шатков через станцию Берещино до Сарова – в 1928 году. Причем часть пути от Сарова строили коммунары-беспризорники, которых после ликвидации Саровского монастыря в 1927 году содержали здесь в его зданиях. Правда, первая узкоколейка была запроектирована еще в 1880 году от Илева до Сарова, точнее до Балыкова; частично сделали насыпь для укладки шпал и рельсов, но затем работы прервались. А дороги здесь требовались. На большой территории в округе Сарова залегают много железных руд и бурых угольных пластов, но не очень богатых. Есть они и за Балыковым в пойме реки Вичкинзы. В период 1840–1860 годов построены на базе этих руд железодельные и чугуноплавильные заводы в Ардатове, Балыкове, Илеве и Ташино. Для перевозки руды, угля и рабочих нужны были круглогодично действующие дороги. Добыча руды велась посредством вертикальных шахт – «дудок»; руду воротом поднимали в корзинах наверх, развозя затем на конных повозках по заводам. Три первых из них закрылись в период около 1900-х годов, а в Первомайске завод сохранился и эффективно действует в наше время как ОАО «Транспневматика», поставляя, в том числе за рубеж, компрессоры, тормозные приборы, авторегуляторы и многое другое для вагонных парков железных дорог и метропоездов. Исторически интересно, что этот завод построил в 1853 году друг Пушкина – образованнейший Александр Николаевич Карамзин, сын известного русского писателя Николая Михайловича Карамзина, автора великого литературного труда «История Государства Российского», а также книг «Наталья, боярская дочь», «Марфа Посадница», «Бедная Лиза» и др.; последнюю повесть официально изучали в школах СССР. Н. М. Карамзин попросил в 1804 году руки у Екатерины – дочери генерал-поручика князя Андрея Ивановича Вяземского, которому принадлежали земли и селения Малый и Большой Макателем в 50 километров от Сарова. После свадьбы Макателем стал собственностью Карамзиных. Их сын Александр встретил свою суженую – Наталью – в Москве; она была дочерью боевого генерала Василия Петровича Оболенского. Поженившись, молодые переехали в Макателем к родителям мужа, построив здесь для жилья добротный двухэтажный дом. Около Макателема железная руда находилась на глубине 2,5 метров, на базе

В Рогожке у памятника Н. В. и А. Н. Карамзиным

которой Карамзин и создал на приданое жены (Наташи, Таши) завод, назвав его Ташиным. Завод выпускал чугуны, сковороды, ограды, литье для лестниц, плуги, иллюминаторы для речных судов и др. В Великую Отечественную войну делались снаряды и корпуса гранат. Карамзины недалеко от поместья, где у них находилась лесная дача и где драли лыко крестьяне для плетения рогож, построили в красивом лесу для сельских жителей богодельню, больницы, выкопали пруды с плотинами между ними, облагородили эту территорию и назвали Рогожкой. Больничный комплекс действует до сих пор. Благодарные местные жители помнят и чтят Ташу и Александра Карамзиных (детей у них не было), которые были похоронены в Макателеме. Но нашлись варвары, которые разрушили в 2001 году склеп, раскопали могилы в поисках драгоценностей и разбросали останки умерших. В связи с такими обстоятельствами прах четы Карамзиных местные власти перезахоронили в Рогожке под мраморными плитами.

Поезд ехал по однопутной линии сравнительно медленно, останавливаясь на каждой станции, которых мы насчитали пять или шесть. Было солнечно и тепло, тем более что кондуктор перевел нас из-за ветра в полузакрытый тамбур одной из платформ. Местность в значительной мере была лесистой, но деревья в отличие от наших, мещерских, были какие-то невысокие, лежал около дороги снег. Примерно через 3–4 часа кондуктор сказал, что сейчас остановимся на

последней станции с названием «Стеклянный» перед въездом в зону, в которой люди живут как при коммунизме. Такое название станции сразу стало ассоциироваться с чем-то светлым, прозрачным и радостным, со стеклянными дворцами, но мы увидели покосившиеся бревенчатые невысокие домики, в окнах многих из них вместо стекол вообще были вставлены фанерные листы и доски. Такое было разочарование! После отправления с этой станции по платформам на ходу стали перемещаться какие-то люди и тщательно все осматривать, пытаясь заглянуть даже под щебенку. На наш вопрос, кто они, кондуктор сказал, что мы подъезжаем к ограждению зоны, а это – спецхранники, которые садятся в Стеклянном и тщательно проверяют состав, чтобы кто-либо из посторонних не доехал до зоны и не узнал о ее существовании. На наше удивление, что об этом все в Шатках давно знают, ответил, что так положено. Далее он объяснил, что скоро поезд остановится, но мы не должны никуда уходить, пока не придут офицеры с солдатами. Им надо сказать, что вы едете в первый раз, и показать паспорта с направлениями на работу. Если вас пропустят, то вы поедете дальше на поезде до места. Если же нет пропусков, забирайте вещи, и вам солдаты покажут, где надо будет просто ждать (кого? чего?). Вот паровоз раза два сипло прогудел и начал притормаживать и без того медленный ход. Мы уставились во все глаза вперед и увидели, что въезжаем в длинный коридор из двух рядов колючей проволоки, за которыми был густой не очень высокий лес. Вдоль дороги с обеих ее сторон стояли вооруженные солдаты, некоторые с овчарками на поводках. Поезд остановился. Впереди от паровоза расходилось далеко в обе стороны тоже двухрядное проволочное ограждение со следовой полосой между ними. Тут были все атрибуты межгосударственной границы. Мы поняли, что это и есть ограждение «объекта». За зоной и перед ней виднелись щитовые домики. Через некоторое время впереди показалась группа солдат и офицеров. По два человека встали с обеих сторон паровоза и начали заглядывать под него, а трое поднялись в будку паровоза и тендер с углем и дровами. В это время осматривающие на ходу платформы люди прошли по ним вперед к паровозу. Сошедшие с паровоза военные поднялись на первую платформу, поговорили с осмотрщиками у паровоза и медленно двинулись по платформам, вторично осматривая грузы, а внизу синхронно перемещались солдаты, тоже заглядывая в потайные места под платформами. Когда эта команда дошла до нас, то последовал вопрос: «А почему тут посторонние?». Кондуктор объяснил, что под его ответственность в Шатках нас посадил начальник конторы, ибо имеется разрешение на наш въезд. Мы отдали наши документы и услышали команду ждать здесь, а один офицер двинулся обратно. Через некоторое время он вернулся, но около нас не остановился и ничего не сказал, поэтому мы решили, что опять пропусков нет и теперь ждать их придется уже здесь в лесу в домике, далеко от цивилизации. И мы вспомнили и загрустили о шатковской хозяйке. Но на обратном пути уже на земле военные остановились около нашей платформы, офицер достал из полевой сумки паспорта и направления на «объект», по очереди окликнул нас по фамилиям, сравнил несколько раз наши лица с

изображениями на фотографиях, наконец, «узнал» каждого и вернул документы, сказав: «Езжайте». Я и Николай облегченно вздохнули.

Часовые открыли ворота над рельсами, паровоз свистнул и вяло потянул состав за ограждение, а кондуктор, глядя на нас, как-то хитро заулыбался и произнес: «Вот вы и стали добровольно законвоированными в зоне, из которой выберетесь на «большую землю» очень нескоро! Здесь вы будете жить почти как при коммунизме в окружении социализма!».

Ныне центром «объекта» является г. Саров, а когда-то специально затерянное с 1946 года на картах СССР поселение с длинной чередой загадочных названий, таких как: «Приволжская контора», «база 112», «объект-550», Шатки-1, Кремлев, предприятие п/я 975, п/я Г-4665, п/я 214, Москва, Центр-300, Арзамас-75, Арзамас-16. Теперь воскресший как бы из небытия для россиян древний Саров (Сарова) всегда присутствовал на картах Америки и Западной Европы как секретный город. Как-то, находясь в командировке в Томске в 1959 году, я впервые увидел у приехавшего из Китая профессора Л. М. Ананьева, которого пригласили туда для чтения студентам лекций по ускорительной технике, американскую карту СССР, на которой был обозначен в Горьковской области г. Саров с направленными на него из Турции, Японии и Европы стрелками бомбовых самолетных и ракетных ядерных ударов. У меня была командировка от московского предприятия п/я Г-4665, но прописка в паспорте стояла Шатки-1 Горьковской области. Поэтому мне неоднократно задавали вопрос: «Скажи-ка, что у вас там в густом лесу расположено, если в такую маленькую точку нацелено так много ударов, а на огромный город Горький всего три стрелки?» Приходилось отнекиваться незнанием географии. Позже, после запуска Америкой космических спутников, приходилось видеть в журналах США фотографии нашего города и предприятий, а также отработанные по ним подробные планы с указанием точек нацеливания ядерных бомб. Есть такая карта даже 2000 года с указанными эпицентрами на территориях заводов ВНИИЭФ и «Авангард».

Однажды в хрущевские времена я был командирован в Ленинград, где наряду с другими требовалось посетить организацию, известную только как почтовый ящик без конкретного месторасположения. Я зашел в здание Ленинградского совнархоза и обратился там в секретный отдел, предъявив документы, с вопросом о нужной мне организации. Начальник отдела взял мои бумаги, тщательно проверил их и сказал, что придется подождать минут 20–30, так как там сменились координатные данные и название предприятия и, прежде чем ехать, нужно выяснить, примут ли там командированного с прежним названием фирмы в бумагах. Он провел меня в уютно обставленное большое помещение с зарешеченными окнами и дал несколько стопок журналов от скуки. Прождав 35 минут, я решил ускорить ход дела и попытался открыть дверь. Но она оказалась запертой снаружи, чему я очень удивился и предположил, что виной тому являются разношерстные документы, так как подобное уже случалось. Минут через 10 я начал стучать в дверь. Наконец, послышался звук вставляемого в за-

мочную скважину ключа, дверь открыл начальник отдела со словами извинения за причиненные неудобства и пригласил меня в другую комнату. Там сидели три человека с большими лупами в руках. Один из них произнес: «Нам впервые предъявляет документы посетитель, у которого командировочное удостоверение выписано от Москвы, прописан он в Шатках, доверенность на получение деталей имеет от третьей фирмы, справка о допуске к секретным материалам – непонятно от кого. К тому же в паспорте у Вас печать сдвинута относительно ее части на фотокарточке. Но мы разобрались и переговорили по спецсвязи с соответствующими службами в Вашем п/я Г-4665. В нужную организацию Вы сейчас поедете – она здесь недалеко, но у себя сразу по возвращении зайдите в секретный отдел». Я все в Ленинграде решил положительно, а, возвращаясь обратно, уже на КПП охранной зоны «объекта» меня предупредили о срочной явке в спецчасть. Оказалось, что тут уже известна вся перипетия со мной.

В Сарове прошла, по существу, вся моя сознательная жизнь, здесь я получил высшее образование, создал семью, нашел интересную и нужную работу, высоко оцененную руководством РФЯЦ-ВНИИЭФ и страны. Это моя вторая Родина.

Возвращаясь к моменту въезда в зону. Минут через десять показалась слева по ходу небольшая деревня около запруды с водой, где состав снова остановился. «Это – Протяжное. Тут вам еще не сходить, – пояснил кондуктор. – Дальше будет станция Боровая, а следующая ваша – Тупиковая». С Боровой мы впервые увидели справа красивую колокольню и строения монастыря, слева – дымящие трубы ТЭЦ. (Достопримечательность Сарова – колокольня – начала строиться примерно в 1740 году. В 1785 году на ней были установлены башенные часы, а в 1801 году подняли колокола и она стала действующей [12].) Проехав еще немного, состав остановился. «Сходите. Вон у колокольни находится отдел кадров», – пояснил кондуктор. Поблагодарив его, мы вышли, удивленно оглядывая округу. Мы надеялись увидеть соответствующий статусу атомного города солидный вокзал, а это был небольшой серый щитовой домик типа приличного сарая. Слева же за капитальной проволочной оградой виднелись явно производственные строения. Взяв по рюкзаку и чемодану, мы направились в указанном направлении. Перед колокольней направо стояло старинное двухэтажное здание, в котором на втором этаже и находился ОК «объекта». (До 1917 года это здание представляло «черные гостиницы» [12]. В наш приезд часть здания на первом этаже занимал действующий кинотеатр «Москва», сегодня все здание находится в ведении краеведческого музея.) Принял нас помощник директора «объекта» по кадрам – Александр Михайлович Хмелевцов. Посмотрев предъявленные документы, он сказал, что нам надо идти в ОК строительства, который находится сразу же за колокольней в церковном здании на втором этаже, куда мы и направились (в действующем монастыре это была Церковь Пресвятой Богородицы, Живоносного Ее источника, разрушена в 1954 году. В полуподвальном большом помещении с арочными сводами, украшенными лепниной в виде толстых канатов, располагалась довольно приличная городская столовая, известная всем жителям города как «Веревоchка»).

Перед разрушением церкви все службы строительства перевели в специальное новое 3-этажное здание на пересечении проспектов Мира и Октябрьского, сейчас в этом здании находятся горвоенкомат и городской суд). В ОК строительства лейтенант И. П. Петров взял наши документы, сверил со своими какими-то бумагами, упрекнул нас в долгом путешествии от МГУ до «объекта», затем выписал направление в общежитие и пригласил завтра зайти к нему. Затем вышел с нами из здания и посадил с вещами в дежурный «виллис», который и повез нас на поселение. Общежитием оказалась 3-комнатная квартира в одном из первых 2-этажных домов из деревянных брусьев в поселке ИТР (ул. Победы, дом 1, кв. 8) около тогдашнего базара в низинке, по которой когда-то проходил защитный ров монастыря. В остальных квартирах жили семьи. В комнатах уже поселились четыре человека: в одной – техник-геодезист Гриша Гулевский и техник-строитель Николай Пьявкин, в третьей – два временно командированных из Москвы прораба по наладке шведской турбины на ТЭЦ и обустройству там же теплоизоляции труб, по которым подавался на лопатки турбины водяной пар под высоким давлением. В двух последних комнатах стояло еще по одной свободной койке. На одной из них вскоре оказался отбывший свой срок в лагере з/к, который до ареста «на воле» был артистом, а в лагере – культработником. После освобождения его оставили в зоне и обязали продолжить службу в лагере, но теперь уже как вольнонаемного за зарплату. Звали его Михаилом. Вторую койку вслед за артистом занял командированный из Москвы мастер-сварщик, который должен соединить на ТЭЦ и где-то на заводах всего-то несколько стыков труб из разных металлов. Он говорил, что по подобной сварке имеется в СССР всего три специалиста. Такого человека я встретил впервые. Так как сюда еще не доставили нужное ему для сварки специальное оборудование и материалы, то в ожидании их он проводил дни за потреблением алкоголя, причем, по его словам, в таком режиме он существовал уже шесть лет. Утром он первым делом садился за стол на кухне и один выпивал в три приема пол-литра водки, закусывая ее «халвяной» (дармовой) клюквой с черным хлебом и килькой пряного посола. Клюкву и кильку приносили через 2–3 дня в больших пакетах по просьбе этого мастера расконвоированные з/к. В лагерях бочки с этими яствами регулярно открывали и выставляли на улице под навесом для всеобщего потребления в любых количествах. Это был один из методов борьбы против цинги у з/к. Килька всегда была свежей, душистой и вкусной, и я тоже, как и все общежитские, часто употреблял ее, но не от цинги, а как приятную еду, не продаваемую в магазинах. Когда кильку года через два перестали поставлять в лагерь, мы очень сожалели об этом. Мастер же пьяным после утренней трапезы не становился, а уходил на долгий моцион на свежем воздухе. Вечером он снова принимал, как и утром, такую же порцию водки, тем же самым закусывал, немного веселел, начинал петь и танцевать. Но из песен он знал всего лишь две рифмованные строчки:

Собака лаяла, меня кусала.

Меня кусала, собака лаяла.

Пританцовывая и кружась по квартире или улице, он бесконечно повторял эти две строки, как заклинания. Часа через полтора-два падал на свою койку и беспробудно спал до утра, чтобы снова начать день по заведенному графику. Когда деньги у мастера кончались, он объявлял, что отправляется за ними в «еврейский банк», в монтажную контору № 10, руководителем которой был капитан инженерно-технической службы Мирон Григорьевич Аронсон, хорошо известная в то время на объекте личность. Там, по словам мастера, он сначала спрашивал Аронсона, не доставил ли он сюда все нужное оборудование для сварки. Услышав отрицательный ответ, мастер обещал немедленно позвонить в Москву в Главное монтажное управление о чинимом тут беспорядке, безответственности и произволе. Аронсон понимал, что звонить он никуда не будет, и тут же выписывал мастеру аванс, через 15 дней – зарплату, и так в течение трех месяцев. После прибытия в контору давно ожидаемого комплекта оборудования мастер в течение трех дней произвел сварку, она была официально принята, а он, распрощавшись «с доброжелательными и терпеливыми» сожителями, благополучно отбыл в столицу за очередной командировкой.

Что касается артиста, то он вел себя по отношению ко всем нам несколько свысока, кичился высшим театральным образованием и причислял себя к богеме. Иногда снисходил до нас и рассказывал о своих прошлых знакомствах с известными личностями, сыпал остротами и фразами из театральных пьес. Если кто-то из нас возражал ему, то его первыми ответными словами всегда была своего рода абракадабра: «Хача турян лучше, чем берджи, но шоц такович!» – с повышением голоса и ударения на последнем слове, что как бы означало: «Ну, что вы мне говорите глупости!». (Указанный набор слов состоял из разделенных на две части и искаженных фамилий трех известных композиторов – Хачатуряна, Чемберджи и Шостаковича.) Прошло всего месяца два после заселения артиста, как однажды в 3 часа ночи раздался стук в квартиру. Кто-то из нас отпер дверь, и в нее вошли милиционер и два вооруженных солдата. Милиционер вынул из сумки бумагу и зачитал фамилию, спросив, кто из нас такой. Михаил назвал себя. «Вам дается двадцать минут на сборы в нашем присутствии, и мы будем сопровождать вас в эшелон для вывоза под охраной из зоны», – сообщил милиционер. – «А Вы не ошиблись? Ведь моя культмассовая деятельность занимает первые места в межлагерном смотре и меня обещали через год свободно выпустить из зоны?» – спросил Михаил с дрожью в голосе, все еще надеясь на ошибку. Милиционер еще раз открыл бумагу, назвав не только фамилию, но и адрес проживания. И Мишка заторопился, засовывая быстро свои пожитки в чемодан и рюкзак. «А куда везут?» – попытался уточнить артист. – «Вот приедешь на место, оглядишься, тогда, может, и поймешь», – последовал грубоватый ответ. И снова освободилась койка, которая до очередного нашего переезда из этой квартиры так и простояла не понадобившейся. А отбывших в лагере срок людей и «знающих секреты объекта» увозили тогда в «Дальстрой» (г. Магадан Хабаровского края) или в Соликамск Пермской области.

Прожили мы тут недолго, так как в конце 1951 года нас перевели в подобный же деревянный 2-этажный 16-квартирный дом (теперь это дом 15 на ул. Александровича). Тут было уже шумливее и веселее, особенно в вечернее время, так как все квартиры являлись общежитскими. Здесь проживали и десять офицеров, не получивших еще комнаты или квартиры для перевоза семей и имущества. Все жильцы быстро перезнакомились. Два офицера имели аккордеоны (их доставляли тогда из демократической Восточной Германии) и прилично исполняли на них песенные и танцевальные мелодии. Поэтому практически каждый вечер устраивались около дома танцы (даже в зимнее время), куда приходила молодежь из окрестных домов. К этому времени на ИТР-поселке было сдано в эксплуатацию уже свыше пятидесяти 2-этажных деревянных домов, несколько коттеджей, магазин, гостиница ИТР, детский сад, ясли и др. Я поселился опять в комнате с Н. Власовым, вторую занимали наши прежние сожители, работающие на ТЭЦ. Правда, один из них практически не появлялся, нашел себе подругу с квартирой.

Выше я упомянул о защитном рве при монастыре. По прибытии в Саров я еще застал с восточной стороны монастыря на месте между нынешним зданием муниципалитета на пл. Ленина и кинотеатром «Октябрь» по пр. Мира (теперь это Художественная галерея, пр. Мира, д. 1) остатки вала и рва с наружной его стороны. Вал доходил почти до ул. Победы и – в другую сторону до бани на ул. Гагарина. Вал был частично срыт в начале нынешнего пр. Мира, и через проем проходила грунтовая дорога. В районе муниципалитета в ноябре 1951 года вал скапывали бульдозерами, засыпая грунтом ров перед ним. Помню, как в валу раскопали змеиное гнездо. Это была шарообразная уплотненная выемка диаметром около 25 сантиметров с небольшим количеством сухой травы. Из гнезда быстро выползли потревоженные две гадюки и три медянки (из семейства ужей). Так как был мороз около 10 градусов, то далеко они не уползли. Я ранее слышал от деревенских жителей, что змеи зимуют группами, но увидел такое впервые. Что касается вала и рва, то надо было бы, конечно, часть их сохранить как историческую реликвию. Но тогда старались вытравить всю память о наличии здесь когда-то всемирно известного монастыря.

На другой день в ОК нам объявили и заставили расписаться в приказе, что мы переведены сюда старшими мастерами с основным окладом 980 рублей плюс 20 % (зональная добавка). На наш вопрос об объектовой («боберской», как ее называли) добавке к окладу в 50 % и более ответили, что строителям она не положена. Сказали, что руководить надо будет заключенными, правила обращения с которыми мы знаем, ибо они такие же, как и на строительстве МГУ. Николая направили строить жилые дома, а меня – завершать строительство здания заводоуправления на территории завода «объекта», выдали пропуск и объяснили, где это.

Строительная подрядная организация – Стройуправление № 880 МВД СССР (впоследствии СУ-585, УС-909) – была создана Главпромстроем МВД СССР в Сарове в марте 1946 года во главе с инженером-подполковником А. С. Понома-

ревым «...с целью проведения реконструкции и осуществления нового строительства для КБ-11». На начальном этапе автотранспорта и механизмов не было. Поэтому для перевозки строительных грузов использовался конный парк в количестве свыше 100 лошадей. Затем стали поставляться отечественные автомашины и «студобеккеры». В конце 1946 года завершили подготовку взлетно-посадочной полосы, и состоялся первый пассажирский рейс самолета из Москвы в Саров. В начале 1947 года сдали в эксплуатацию после реконструкции двухэтажное кирпичное здание («красный дом») монастырской постройки, где разместилось Управление КБ-11. В середине 1947 года вместо А. С. Пономарева начальником СУ-880 был назначен инженер-подполковник Василий Иванович Анисков (мой земляк-рязанец), переведенный сюда из Куйбышева, опытный организатор и хороший знаток строительного дела. В это время на стройке уже работали экскаватор, автокран, бульдозер, бетономешалка, два грейдера, две камнедробилки и четыре растворомешалки. Затем количество механизмов (их вывозили в основном из Германии), автотранспорта и з/к быстро стало расти. Работа часто производилась в две смены или круглосуточно. Начали все интенсивнее реконструироваться и сдаваться по назначению исследовательские и технологические помещения, жилые постройки. В сентябре 1947 года на территории будущего поселка ИТР заселили первый деревянный 12-квартирный дом; в конце 1947 года в Сарове проживало уже около 10 тысяч человек. Первый бетонозавод введен в эксплуатацию в 1949 году.

Когда я приехал в Саров в 1951 году, он представлял собой уже солидный населенный пункт. Количество з/к на стройках составляло 15 тысяч. Строительством продолжал руководить Анисков (уже полковник), главным инженером стал только что приехавший подполковник Владимир Яковлевич Кузько, его заместителем был Наум Абрамович Коган. Анисков в сопровождении ряда начальников служб еженедельно объезжал все строительные участки и расспрашивал на месте прорабов и мастеров о ходе дел. Он строго наказывал за упущения в работе и тут же объяснял, как правильно надо ее организовать или как практически что-то делать. Однажды в ноябре 1952 года, когда я руководил прокладкой железнодорожной ширококолейной ветки от станции Боровая к создаваемому растворо-бетонному узлу (см. ниже), Анисков со свитой приехал познакомиться с ходом этих дел и поставкой строительных материалов, их разгрузкой с платформ и складированием на станции Боровая. Заместителем у него и ответственным по данным вопросам был сравнительно молодой генерал-майор Супруненко, где-то проштрафившийся и присланный сюда «на исправление» без понижения воинского звания. Обнаружив какие-то упущения своего заместителя, полковник начал распекать генерала: «Что ты – дурак, это я уже знаю. Но что в такой степени!». Я наших военных чтил, и потому мне было обидно и горько за советского генерала, тем более что он стоял перед полковником по стойке смирно с красивыми красными лампасами на брюках и молча слушал оскорбительную ругань в свой адрес.

Итак, вместо привольной русской Волги-матушки попал я в добровольное сухопутное заключение. Начались подобные московским трудовые будни за исключением короткой дороги до места службы. Начальником участка на территории завода ВНИИЭФ был капитан Василий Ильич Комаров, хорошо знающий организацию и ведение строительных дел и известный своей невозмутимостью в любых ситуациях. Он был своего рода фаталистом. По поводу положительных и отрицательных событий всегда спокойно тихим голосом произносил, что, значит, тому и быть! Конечно, полученные на строительстве МГУ опыт и практические знания позволили мне быстро войти в курс предстоящих дел, познакомиться и понять своих начальников и начальников соответствующих служб, в первую очередь снабженческих, переговорить с бригадирами заключенных работяг, разобраться в квалификации и производственных возможностях персонала. Я узнал, что здесь в лагерях находятся в основном осужденные по политической статье 58 и так называемые указники (сталинский указ), т. е. опоздавшие на работу или вообще не вышедшие на нее (таким только случайно после техникума не оказался и я), положившие в карман на работе что-либо, взявшие в то голодное время в колхозе или совхозе несколько горстей зерна. Я быстро вник в цикл строительства здания заводоуправления. Тут надо было доделать кирпичную кладку последних этажей, быстро соорудить перекрытия и кровлю, настелить полы и выборочно начать оштукатуривание поверхностей, чтобы дать возможность сантехникам монтировать системы отопления, водоснабжения, канализации и вентиляции, электрикам – системы электроосвещения, а затем завершить штукатурку и начать малярные дела. Я предложил кладку вести не по всему периметру здания, а вывести ее сначала под кровлю только на половине здания, чтобы над ней возвести последнее перекрытие и кровлю, и сразу начать все последующие технологические работы, а затем то же самое проделать со второй половиной здания. Идею капитан одобрил. И хотя она была тривиальной, тем не менее я гордился моим рационализаторским предложением, которое сразу пошло в дело. Как оказалось, это позволило почти на три месяца опередить график сдачи здания в эксплуатацию. Мне объявили благодарность и выдали премию.

К осени основные строительные работы были завершены, полы настелены, окна остеклены, начались штукатурные работы и выборочно – малярные. Сантехники одновременно делали отопление, водоснабжение, канализационные сети, вентиляцию, электрики – освещение. С холодами в середине октября включили на первом этаже для обогрева здания несколько мощных электрокалориферов с вентиляторами, поставили на третьем этаже несколько дровяных печек-буржук с выводом дыма наружу через трубы в окнах. В это время в отдельных бригадах вдруг появились по 2–3 новых з/к из очередного этапа, которые совершенно не работали или имитировали какую-то деятельность, что сразу снизило энтузиазм и выработку норм бригадами. Я попытался поговорить об этих «сачках» втайне ото всех поодиночке с бригадирами, но они, оглядываясь по сторонам, отказались вообще обсуждать эту тему. Складывалась ситуация подобно московской,

когда я за свою инициативу наладить активную и производительную работу бригад, в составах которых оказались рецидивисты-бездельники, чуть не поплатился жизнью. На другой день утром я зашел на проходной вахте к капитану, начальнику охраны зоны, и попросил объяснить, что это за люди. Он сказал, что недавно с очередным конвоем сюда доставлена из других лагерей СССР вместе с затребованными специалистами и группа злостных уголовников-убийц, которым расстрел заменен пожизненным заключением или 25 годами. Поэтому гражданским специалистам надо обращаться с такой публикой очень осторожно. Я поблагодарил капитана за предупреждение, а сам задумался, как быть далее. Однако коллизия разрешилась сама собой, и снова чуть не трагически. После рабочей смены, когда уже все з/к должны были покинуть рабочие места, я зашел в свою контору, оборудованную в комнате на втором этаже здания заводоуправления, чтобы позвонить на растворный узел и заказать на следующий день бетон. Только я сел за стол и взялся за трубку телефона, как в контору быстро вошли четверо з/к с кусками арматуры в руках и плотно прикрыли за собой дверь. Двоих я сразу узнал, они были из моих бригад. «Ну что, начальник, – сразу от двери начал говорить первый из них, – жить больше, падла, не хочешь? Операм накапал на нас, сволочь!» Я мгновенно оценил опасность и, не говоря ни слова, вскочил из-за стола к окну, прыгнул на низкий подоконник, ударил плечом по створкам оконной рамы (к счастью, были навешаны только наружные створки), раскрыл их настежь и прыгнул вниз. Под окном была довольно высокая куча снега, в которую я и упал. Тут же скатился с нее, вскочил на ноги и бросился бежать на проходную вахту, которая находилась на расстоянии около 70 метров. Влетев туда, я закричал охранникам, что на меня напали четверо з/к на втором этаже здания заводоуправления. Раздался резкий звук милицейского свистка и человек 8 или 10 охранников во главе со старшиной бросились к указанному зданию. Свисток сразу поднял тревогу на ближайших вышках зоны, а затем и на дальних, включились прожекторы для освещения ограждения и следовой полосы. Минут через 20 капитан попросил меня войти с ним в зону, где около вахты в окружении конвоиров сидели на снегу связанные по двое четверо з/к. По кровоподтекам на лицах чувствовалось, что им уже здорово досталось. «Кто из вас и за что напал на этого начальника?» – спросил их капитан. З/к молчали. «Последний раз спрашиваю. Кто из вас напал на этого человека?» Опять молчание. Тогда капитан попросил меня при них рассказать, как было дело, что было у них в руках, кто и что говорил. Я пересказал событие и показал на з/к, который первым начал угрожать и приближаться ко мне. «Так было дело?» – опять произнес капитан, но вновь никто не прореагировал на его вопрос. – «Старшина! Доставить всех сразу в карцер», – скомандовал капитан. А меня капитан попросил написать на имя начальника лагеря подробную докладную, указав роль каждого из з/к с идентификацией их по номерам на куртках, что я и сделал. Далее капитан пояснил, что завтра утром я должен буду еще раз пересказать произошедшие события группе офицеров из спецотдела и руководству строительства, которым надлежит при-

нимать соответствующие решения. Возможно, мне пока не разрешат вход в зону до завершения расследования этого инцидента.

Утром на вахте оказалось пять офицеров. Последовал мой пересказ. Также я кратко изложил им подобную ситуацию в Москве. Из разговора я понял, что капитан попытался в спецотделе и у оперуполномоченного узнать характеристики новых з/к. Рецидивистам стало известно о проявленном к ним интересе, наверное, они как-то узнали и о моих разговорах о них с бригадами. Поэтому уголовники сразу связали все это с каким-то моим доносом на них руководству лагеря («оперу»). А посему немедленно решили приструнить меня и, вероятнее всего, даже «пришить». По завершении разговора старший из офицеров сказал, что я смело могу продолжать работать, так как вся новая группа уголовников выделена из общего контингента и помещена в карантинный отдельно охраняемый барак, кроме уже посаженных в карцер, и что в ближайшее время они будут этапированы в дальние лагеря за пределы объекта.

Вскоре все з/к уже знали о произошедшем. Я увидел резко изменившееся настроение работяг в лучшую сторону, а три бригадира приходили позже ко мне со словами благодарности за удаление от них этих бандюг. Бригадиры называли их отъявленными извергами, давно известными в лагерной среде. Я попытался объяснить «буграм» свое практически бездействие, так как не успел еще сообразить, как и что надо делать. Мне они мало поверили, и потому среди работяг з/к я прослыл как бы смелым «вольняшкой». А в бригадах снова началась ударная работа, так как не надо было обрабатывать тунеядцев и бояться каких-либо расправ с их стороны, опять стали перевыполняться нормы выработки.

Как-то в обеденный перерыв я застал на первом этаже одну из бригад в полном сборе. Каждая группа человек по 5–6 сидела около своей широкой металлической тарелки с горячей в ней жидкостью. На мой вопрос, греются ли они, бугор сказал за всех, что они ударно работали всю предыдущую неделю и сегодня заслужили по 50 граммов. А далее пояснил, что они достали ацетон (а его здесь как растворитель давали сантехникам и монтажникам) и извлекают из него огнем яды. Ацетон поджигают в тарелке, и он горит сначала с красными проблесками пламени, затем постепенно появляется светло-голубое свечение. В этот момент надо огонь погасить, дать остыть жидкости и далее можно смело пить, что уже многократно апробировано. Я зашел снова минут через 10, когда началось торжество. Предложили попробовать и мне, но я отказался. Бугор сказал, что обработанный огнем ацетон действует как высококачественная водка, быстро восстанавливает силы у з/к, снимает усталость, отключает память от дум о плохом. Но он пить больше 70–80 граммов никому не разрешает. Далее попросил меня не доносить о таком расслаблении оперуполномоченному и руководству лагеря.

Дела на заводууправлении продвигались успешно, но в декабре 1951 года меня вдруг пригласили к Н. А. Когану, с которым до этого уже приходилось неоднократно встречаться, так как периодически появлялись дополнитель-

ные строительные работы по просьбе заказчика, не предусмотренные проектом, а их оформление и оплата организовывались через главного инженера и производственно-технический отдел (ПТО, начальник – Ингель). Для решения таких вопросов начальник участка обычно направлял меня к Когану, так как там для его службы надо было быстро и понятно сделать эскизы на выполненные работы и дать по ним пояснения. У меня это неплохо получалось. Поздоровавшись, Коган сказал, что он хочет попросить меня подключиться на некоторое время к завершению строительства двух лабораторных корпусов на территории завода «Авангард» (тогда он имел другое название), потому что там возникла авральная ситуация. Я начал возмущаться, что в Москве срочно надо было завершать здание химфака МГУ, потом венткамеры и института им. Вернадского, тут – заводоуправления, теперь – лабораторных корпусов. Да и учиться я начал на вечернем отделении Московского инженерно-механического института, а теперь ездить надо будет много дальше и потому придется опаздывать на вечерние лекции. На это Коган сказал, что он даст указание начальнику участка отпускать меня с работы несколько раньше в учебные дни и, как только я подготовлю корпус к сдаче, он переведет меня обратно на завод ВНИИЭФ.

Работы на корпусах велись в две смены, причем здесь работали з/к из близкорасположенного третьего жилого лагеря (района); начальником района был майор Артем Федорович Ширшов, главным инженером – Яков Федорович Галайко, крепкий плотный мужчина. Первый район располагался недалеко от ТЭЦ, второй – на месте нынешних гаражей у Ключевой улицы в начале теперешней улицы Силкина. Каждый день приходили посмотреть на стройку инженеры будущих лабораторий, торопили строителей, просили выполнить дополнительные строительные-монтажные работы, не предусмотренные проектом. Кадры заключенных отобраны были сюда специально ударные. Я, появившись на новом месте, начал с того, что созвал всех бригадиров для детального разговора. Первоначально рассказал достаточно подробно о себе, потом спросил, у кого какие тюремные сроки и за что, насколько квалифицированные кадры в бригадах, есть ли какие сложности в делах и вообще во взаимоотношениях и т. д. Добавил, что многое я смог бы прочитать в спецчасти лагеря в их личных делах, но обычно этим не пользуюсь. Не все охотно рассказывали о себе, но в целом мне квалификация «бугров» стала понятна. А еще сказал, что приписками не занимаюсь и потому давить на меня не следует, но я сделаю максимум со своей стороны, чтобы они точно знали задания не только на сегодняшний день, но и на перспективу, что их бригады будут обеспечены фронтом работ, материалами, механизмами, но любую халтуру придется переделывать за их счет. Думаю, что этот разговор сыграл в дальнейшем свою положительную роль, и, как после сказали два бригадира, так откровенно с ними еще нигде никто из новых начальников не общался.

У меня сложились особо деловые и человеческие отношения (а открыто афишировать это было нельзя) с большими бригадами штукатуров и столяров-плотников. В первой дружной бригаде были только татары, как и «бугор» со

своим заместителем. Чувствовалось, что на гражданке они были не простые рабочие и колхозники. Выработка бригады всегда превышала 150 процентов, многие ее члены интересовались новыми более прогрессивными приемами работ с использованием малой или большой механизации и все ценное практически применяли. Сам бригадир не чурался физической работы. Если какое-то звено отставало, он вместе со своим замом снимал верхнюю одежду и активно с песнями и прибаутками, мешая русские и татарские слова, начинал активно работать. Мне очень нравился деловой настрой членов этого коллектива, стремящихся в первую очередь быстрее вырваться на волю за счет зачетов, и, конечно, повышенная зарплата тоже играла свою роль. Я в максимальной степени помогал бригаде, «выбил» у снабженцев новые менее капризные насосы для перекачки по трубам штукатурных растворов, старался обеспечить им бесперебойный фронт работ, брал в ПТО во временное пользование выпускаемые листки рационализатора по штукатурным делам. Уставали работяги тоже сильно и потому в объявляемые «перекуры» (фактически татары не курили) все тут же дружно засыпали. По-видимому, бригадир был неплохой психолог, так как по давнозаведенному порядку в коллективе во время таких перерывов заместитель бригадира, красивый стройный молодой мужчина, имеющий приятный тембр голоса, тихо пел татарские и русские песни, которых знал много. Работяги утверждали, что пение позволяет им отвлечься от всяких неприятных дум, быстрее заснуть и восстановить свои силы. Я тоже заслушивался этим довольно профессиональным пением. Как-то «артист» признался мне, что он учился вокалу в консерватории, но произошло ЧП, и вспоминать об этом ему тяжело. Вообще, я впервые встретился с таким эксклюзивным, но достаточно эффективным способом организации быстрого отдыха физически уставших людей. В наше время это несколько напоминает применяемый во многих санаториях метод аутотренинга и своего рода гипнотического быстрого ввода людей в лечебный легкий сон.

А второй бригадой руководил мой земляк-рязанец – бывший начальник Рязанского областного управления общественного питания, имеющий высшее образование (к сожалению, я забыл его фамилию). Он был рослым и физически крепким с кулаками-кувалдами, снискавшими ему серьезное уважение у з/к. К тому же обладал большим жизненным и руководящим опытом, кругозором, особенно в юридической области. Он как третейский судья мог быстро уладить все возникающие среди работяг мелкие и крупные дразги и конфликты. К нему по таким делам обращались даже из других бригад. Попав в лагерь на 10 лет по статье 58 (он говорил, что ему дала этот срок тройка без суда, а осталось сидеть менее 4 лет с учетом зачетов), земляк быстро понял, что здесь ценят специалистов и хорошо освоил по книгам, учебникам и на практике столярное и плотницкое дело, нормирование труда по этим направлениям. В совокупности перечисленные достоинства земляка снискали ему значительный авторитет даже у руководства лагеря и района. К нему в бригаду постоянно просились многие з/к. Дисциплина в бригаде была строгая, все указания «бугра» исполнялись незамед-

лительно, нормы выполнялись всегда более чем на 150 процентов без каких-либо приписок с моей стороны. Правда, нужно отметить, что я благоволил к этой бригаде и вписывал в ее наряды наиболее выгодные работы.

«Бугор», пользуясь особым положением в бригаде и лагере и зарабатывая неплохие (по меркам з/к) деньги, не оставил свои начальственные привычки. Удивительно, но он не курил, зато утром и вечером земляк обязательно выпивал по 150 граммов ликера. Чаще всего это был имеющийся постоянно в магазинах города ликер «Какао-шуа» (примерно с 1960 года он почему-то пропал из продажи, и я не видел позже его и в Москве). Шоферы привозили обычно и надлежащую закуску. Они не скрывали передачу бугру еды и бутылок (а у него их запас всегда хранился в зоне); мне даже казалось, что охрана свободно пропускала шоферов с ликером, если они говорили, кому его везут. На чердаке одного из корпусов в длинном горизонтальном вентиляционном утепленном канале, имеющем поперечное сечение примерно 1,7×1,7 метров, «бугор» обустроил своего рода гостиную со столом, скамейками и двумя лежаками. Туда была подведена и временная электросеть. После расстановки утром своих подчиненных по зданиям, проверки обеспечения их всеми необходимыми на нынешний день материалами и инструментом и решения со мной текущих производственных вопросов бугор поднимался в свою резиденцию и начинал трапезничать. Мне этот схрон был показан сразу, и я регулярно приглашался туда отведать что-либо, в первую очередь на правах начальника и земляка. Придется теперь покаяться, что я неоднократно принимал с ним граммов по 50 приятно пахнущего какао и шоколадом тягучего и крепкого ликера и даже немного пристрастился к нему, держа потом постоянно бутылочку в общаге. Но больше всего мне нравилось слушать воспоминания земляка о нравах и поведении партийных обкомовских и других областных руководителей. Он четко и однозначно говорил о двойных стандартах морали и поведении касты людей этой категории и, конечно, его, когда он был еще в их рядах. Они проповедовали и призывали низовых работников к временному самоограничению во всем ради построения светлого и радостного коммунистического общества, когда будет все по потребности, а сами уже в это трудное послевоенное и для многих полуголодное время пользовались огромными благами в закрытых обкомовских магазинах, столовых и складах. Недаром после подписания в 1991 году в Беловежской Пуще Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем документов о развале СССР именно работающие в государственных, республиканских и областных партийных, профсоюзных и комсомольских органах боссы, привыкшие и знающие, как и где можно урвать, постарались в первую очередь прибрать к рукам и приватизировать максимум общенародного добра. Наслушавшись в Москве у моего начальника-прораба из з/к о министерских обычаях и нравах их руководителей, а теперь и областного масштаба, я был сильно разочарован в своей почти идеальной вере в переживания этими деятелями (являющимися однозначно членами КПСС) вместе с народом трудностей послевоенного времени. Конечно, все они боялись и знали о суровой каре

И. В. Сталина в случае их разоблачений, но они покрывали друг друга, и случаи коллективных разгулов и воровства казенного добра выявлялись относительно редко. И если иногда у меня ранее и проскакивала мысль о вступлении в ряды КПСС, то теперь я твердо решил не делать этого.

Интересным человеком и собеседником из з/к оказался бывший военный полковник геодезической службы Советской Армии Амелин, работающий в данное время инженером-геодезистом и неоднократно приглашаемый мной для точной (с ошибкой до миллиметра) проверки вертикальных отметок закладных деталей в стены, уровней полов и их горизонтальности по этажам в пределах зданий. Он был бесконвойным, хотя ночевал в лагере, и по пропуску свободно выходил и входил в жилую и рабочие зоны. Это был высокий физически крепкий некурящий человек лет около 45 с пышными черными усами, всегда опрятно одетый, зимой – в добротном полушубке и при часах на руке, ношение которых вообще-то з/к запрещено. В лагере он вставал рано утром, до официального подъема, летом и зимой постоянно делал энергичную зарядку к удивлению з/к. Как крупный специалист, а потому знающий себе цену, он вел себя независимо по отношению к руководству лагеря и остальным з/к (а среди них периодически появлялись группировки блатных, требующих к себе почитания, боязненного отношения и выполнения их требований). Он рассказал, что после принятия в марте 1946 года Правительственной комиссией при ПГУ СМ СССР решения о создании КБ-11 в районе поселка Саров сюда была направлена группа военных геодезистов (18 человек) во главе с ним (Амелиным). До этого он уже неоднократно, как в военное время, так и после, руководил операциями по геодезической привязке территорий к уровню Балтийского моря и географической «посадке» на местности новых создаваемых военных предприятий, заводов и лагерей для з/к. Группу обязали быстро снять топографический план части территории Горьковской области и Мордовской АССР (точнее, Мордовского заповедника им. П. Г. Смидовича, крупного советского и партийного деятеля), определить и разметить границы отчуждаемых земель площадью около 100 квадратных километров. Как только работа оказалась выполненной и официально их документы были приняты к исполнению, всю группу арестовали, включая полковника. Его через некоторое время доставили под конвоем в военный трибунал и объявили, что несколько человек из указанной группы дали на него показания о подготовке им письменных сведений об «объекте» для передачи иностранным разведкам. Тут же объявили полковнику приговор о лишении его воинского звания и заключении на 12 лет лагерей по статье 58 (это занесли в личное дело, которое я читал). Он приписал в приговоре, что ничего не готовил, но расписался за ознакомление, зная по опыту многих, что доказывать обратное тут совершенно бесполезно, ибо показания на него у других лиц следствием однозначно выбиты пытками и силой. Но как редкого в то время специалиста-геодезиста его тут же отправили отбывать срок на то последнее место, которое под его руководством картографически определено и задокументировано. Учитывая качественное и быстрое исполнение

им работ на стройках, а также периодическое квалифицированное решение спорных геодезических вопросов в пределах территории объекта, ему шли зачеты, и оставалось до конца срока чуть более года. Амелина вскоре освободили и предложили здесь работу, но из зоны не выпустили. Думаю, что его тоже вывезли под конвоем, как и артиста Михаила, на Дальний Восток, возможно, добавив еще срок 5 или более лет лагерей, что практиковалось не так уж редко. Людей с такой судьбой, много сделавших полезного для страны, мне было искренне жаль.

Так как я уже учился вечерами, то нередко брал с собой книги и тетради, чтобы немного подготовиться к лекциям. Если работы были нормально организованы, а бригады знали задания на текущий день и на последующие и не предполагался приезд начальства, то я уходил на 1–2 часа в «гостиницу» на чердаке и читал учебники. Чаще всего тут я решал задачи по физике и высшей математике. Договаривался с земляком-бригадиром, чтобы он делал отметки в путевых листах автомашин, доставлявших строительные материалы, а при возникновении непредусмотренных ситуаций немедленно меня предупреждал, как и при появлении руководства строительного района. Особенно часто контролировал ведение работ главный инженер района Я. Ф. Галайко. Однажды мне сообщили о его появлении, и я спустился вниз для встречи руководства. В это время Галайко медленно приближался к бригаде з/к, которая занималась благоустройством территории около лабораторных корпусов и покрывала дерном склон, закрепляя каждую дернину вбитым в землю тонким колышком. Вдруг Я. Ф. увидел беспорядок – на красиво уложенный зеленеющий дерн з/к сложили в кучу снятые бушлаты. Он быстро подбежал к куче и, громко ругаясь, стал ногами расшвыривать одежду, а, запутавшись обувью в рукавах, упал на кучу. Будучи грузным человеком, Галайко начал барахтаться в бушлатах, стараясь выбраться и подняться. На склоне же это сделать было трудно, поэтому он несколько раз снова падал, что вызвало бурный смех у з/к, наблюдавших за этой сценой. Я тоже не выдержал и начал улыбаться. Наконец, освободив ноги, Я. Ф. поднялся, схватил лежавшую лопату и бросился к з/к. Те мгновенно разбежались в разные стороны. Галайко медленным шагом подошел ко мне, поздоровался и, как будто бы ничего не произошло, начал расспрашивать о работе. Наверное, главный понял, что он проявил излишние эмоции и грубо нарушил инструкцию по взаимодействию с з/к. Любой из з/к мог дать ему физический отпор за нападение на него с оружием в руках. Я. Ф. должен был вызвать надзирателей, которые бы и разобрались в «бушлатном вопросе», наказав виновных. Кроме того, такое поведение главного могло бы стать и предметом обсуждения в политотделе с мотивировкой «возбуждение вольнонаемным нездоровых ситуаций в среде з/к». Поэтому Галайко и обратился ко мне с просьбой не рассказывать о сегодняшнем случае гражданским лицам, а бригаде сказать, что он хотел лишь попугать з/к и чтобы они не трепали в лагере языками, ибо потом к этому много еще чего могут присочинить. Я собрал бригаду и постарался обратить произошедшее в шутку, тем более, что Галайко был уважаемый всеми вольнонаемными и з/к специалист-строитель.

Обычно он безбоязненно один заходил в бригаду и, будучи заинтересованным в качественном и быстром исполнении строительных работ, расспрашивал о ходе дел, подсказывал прогрессивные приемы работ и помогал малой механизацией перевыполнять нормы выработки. Я попросил всех членов бригады не рассказывать о данном случае в лагере и не подрывать авторитет Я. Ф., так как з/к сами спровоцировали его на такое поведение. О договоренности с бригадой я позвонил в конце дня Галайке и почувствовал по его тону, что он все же жалеет о своей несдержанности.

Как-то, примерно за два часа до окончания дневной смены дана была команда срочно прекратить работы, собрать у проходной всех з/к, строго пересчитать их по списку (это обязательно делалось утром и вечером каждый день) и вывести в жилой лагерь; гражданских лиц рекомендовано было отправить по домам. Я понял по опыту таких действий на строительстве МГУ, что прибывает с инспекцией какой-то руководящий чин, но задерживаться не стал, так как надо было подготовиться к лекциям и быть к 18 ч. в институте. На другой день говорили, что приезжал сам Л. П. Берия. Но, расспросив офицеров охраны зоны, я понял, что вряд ли это был он, так как несколько человек из свиты имели широкие генеральские лампасы и первым вышагивал один из таких людей. Л. П. Берия маршальскую форму обычно не надевал; без нее я видел его два раза. Скорее всего, инспектировали ход дел министр внутренних дел С. Н. Круглов или начальник Главпромстроя А. Н. Комаровский. Тем не менее позже мне говорили офицеры из охраны, что Берия достоверно бывал здесь два раза до 1951 года и один раз – после 1951-го.

Так как во время работы в Москве шли разговоры о неоднократных попытках и даже побегах з/к из жилой или рабочей зоны, то я спрашивал офицеров о таких случаях и здесь. Мне рассказали о двух групповых побегах до 1950 года. В одном из них группа з/к утром рано вырвалась из жилой зоны и добралась до аэродрома, надеясь захватить самолет. Но они не знали, что самолета ночью на аэродроме не было, так как он прилетал в Саров в промежуток между 11 и 13 ч. и, забрав пассажиров и груз, улетал снова в Москву. Поэтому ринувшаяся вслед охрана быстро обнаружила на аэродроме всех беглецов, связала их и доставила в лагерь. До этого случая еще одна небольшая группа з/к разоружила охрану около котлована, который они должны были докопать, забрала оружие, выкинула шофера из автомашины, расстреляла встречный грузовик с офицерами, вооружившись до зубов их оружием, и ворвалась внезапно в лагерь, частично расстреляв охрану, а частично – обезоружив. Организатор побега (утверждали, что это бывший полковник) предложил желающим уйти вместе с ними. Таких набралось больше 50 человек. Они вырвались за зону «объекта» и надеялись спрятаться в лесах и деревнях. Но по тревоге были подняты войска НКВД в зоне, а также на близлежащих территориях, которые оцепили большой район и стали сжимать кольцо. Беглецы организовали круговую оборону в лесу, но массированным огнем артиллерии и минометов все были убиты.

Однажды, придя с работы в общежитие, я обнаружил в боковом кармане пальто пакет с достаточно большим количеством денег. Я понял, что это организовали, сговорившись, бригадиры, собрав мзду со своих работяг. И если я не хотел присвоить данные деньги, то по существующим правилам должен был сообщить об этом оперуполномоченному лагеря, а это могло стоить больших неприятностей взяточодателям. Но я так делать не стал, а на другое утро позвал в свою контору земляка и еще двух бугров, предполагаемых участников сговора, и, выложив пачку на стол, сказал, что не хочу разбираться, кто это сделал, но чтобы больше такого не было. А деньги надо вернуть всем, у кого их взяли. Бугры не ожидали такого резкого разговора сразу с утра, во-первых, думали, что я собрал их обсудить дела, а, во-вторых, кое-кто из вольнонаемных принимал подобные подношения. Воцарилась на некоторое время тишина, а затем мой земляк сказал, что это не взятка, а лишь дань уважения. К сожалению, другим они ничем отблагодарить меня в этих условиях не могут. Однако я вежливо остановил его и категорически отказался от денег, напомнив еще раз, чтобы поборов с работяг для меня не производилось. Деньги членам бригад вернули, о чем мне намекнули вскоре трое з/к.

А проявление уважения ко мне пришлось вскоре оценить в довольно необычной форме. Уже в апреле 1952 года начали окончательно готовить оба корпуса к сдаче заказчику. В комнатах на первом этаже одного из них полы были покрыты в два слоя хлорвиниловыми листами толщиной 5 мм с герметичной проваркой швов и отворотом вверх на 10 см их сторон около стен (чтобы образовалось своего рода корыто в каждом помещении). Для проверки герметичности покрытия требовалось по проекту залить в каждое корыто соляной водный раствор толщиной 4–5 см на один час и затем измерить мегомметром величину сопротивления между раствором и шиной заземления помещений здания. Залили такой раствор, по истечении часа я надел резиновые электротехнические боты и в присутствии трех з/к, стоявших у входного дверного проема, не дожидаясь, пока бригадир принесет от электриков прибор, пошел осторожно по комнатам, чтобы посмотреть, не поднимаются ли где воздушные пузыри через раствор из-за возможных отверстий в сварных стыках листов. Предварительно сделать это требовалось обязательно, ибо такая проверка герметичности будет проведена затем и представителями заказчика. Если протечка обнаружится в присутствии многочисленной приемной комиссии, то вообще все работы по зданию представятся как бы некачественно выполненными и, возможно, придется что-то переделывать, включая пластиковые покрытия. Я обошел комнаты, но пузырей не обнаружил. Однако из-за отсутствия в здании электроосвещения (оно не было подключено к внешней сети) я решил еще раз осмотреть покрытия, попросив электрика присоединить переноску с электролампочкой к наружной временной сети 220 В. Взяв в руку лампу за металлический патрон, я смело шагнул с порога в раствор и... Очнулся на улице, лежа на земле. Надо мной было яркое солнечное небо с медленноплывущими облаками и два з/к, энергично делающих мне

искусственное дыхание и массаж сердца. Я ничего не понимал, ибо только что я видел это сине-голубое небо в другом месте, в цветном кино о всей моей еще недолгой жизни, видел всех родных и близких, друзей и знакомых. «Ну слава Богу, очухался!» – сказал один из запыхавшихся з/к и перестал нажимать на мою грудную клетку. Минут через пять я приподнялся и спросил, где я. З/к дружно засмеялись, а один сказал: «Начальник, ты на заводе у лабораторных корпусов. Тебя только что шарахнуло электричеством и ты упал в раскол, отбросив копыта и переноску. Из нее только искры полетели. Мы было заулыбались твоей оплошности, но потом перепугались, вытащили тебя и стали делать искусственное дыхание и массаж сердца. Во-первых, раскрыли рот и вытащили запавший язык. Хорошо, что вот он умеет это делать». И тут один из з/к добавил: «Знаешь, гражданин начальник, если бы мы все тебя здесь не уважали, то язык засунули бы еще глубже!» Сказано было грубовато, как это и принято у з/к, без сентиментальностей, но зато откровенно и прямолинейно. Только позже до меня дошел смысл произнесенного. Могли действительно только симитировать действия по оказанию первой помощи от удара электротоком. А могли и вообще ничего не делать, якобы, не знают никаких приемов. И ничего бы им за это не было. Тут подоспели электрик с прибором и бригадир. Узнав о случившемся, он дал команду отвести меня в контору и переодеть в сухую спецодежду, а сам побегал на проходную, чтобы позвонить начальнику участка. Я хоть и шел своими ногами, но чувствовал большую усталость. Быстро приехали начальник участка, инженер по технике безопасности и машина скорой помощи. Врач осмотрела меня, померила кровяное давление, пощупала пульс, послушала стетоскопом легкие и сердце и сказала, что никаких плохих последствий в моих органах она не обнаружила. З/к назвала молодцами за квалифицированную помощь и уехала. А начальник участка и инженер по безопасности сразу стали проводить расследование, как это и положено в таких ситуациях. Все з/к написали объяснительные записки о происшествии, были изъяты для исследований переноска и резиновые боты. Вскоре расследующие пришли ко мне в контору, где я уже практически пришел в себя, и спросили, могу ли я рассказать о том, что я делал и как это произошло. Выслушав, начальник сказал, что завтра я должен все это изложить на бумаге, и отвез меня в общежитие. Приехав в квартиру, я почувствовал себя уже терпимо, быстро разогрел на электроплитках в кастрюлях воду (ванны и горячей воды в доме не было), обтер от соли мокрым полотенцем тело, переоделся в чистое белье и постирал в тазике одежду. Утром я появился в своей конторе. Все з/к уже знали о случившемся и смотрели на меня как на вернувшегося с того света. Зашли бригадиры со словами сочувствия и предложили какую-либо возможную помощь. Я был растроган таким человеческим отношением, так как знал, что суровые лагерные условия не располагают к проявлению со стороны з/к подобного соучастия. Я попросил пригласить сюда моих вчерашних спасителей и глубоко поблагодарил их, сказал, что теперь буду помнить о них по гроб жизни. Через несколько дней был издан приказ по лагерю, где перед всем строем

з/к этим лицам начальник лагеря майор Ширшов объявил официально благодарность с занесением в личное дело. Такое случалось довольно редко, тем более что благодарность позволяла руководству лагеря сократить сроки з/к. Вскоре опять приехали начальник участка и специалист по безопасности, которым я изложил на бумаге случившееся. В свою очередь, они сказали, что по стечению обстоятельств я при выходе в ботах из здания (вообще-то выходить в ботах запрещено) проколол острием каблук (такое торчащее из земли металлическое острие было обнаружено, и форма разреза точно соответствовала ему), а в ботинке через каблук проходили тоже металлические гвозди. Патрон же лампы оказался помят и контактировал с контактом фазного провода сети 220 В. Более того, именно в этой комнате в одном месте у входа оказались неплотности в сварных швах верхнего и нижнего слоев пластика. Через них просочился раствор и соединил как бы проводником его верхний слой с землей под полом первого этажа. В другом помещении протечек не обнаружили. Бывает же такое! Поэтому электроток с патрона прошел через мою правую руку, тело, правую ногу, гвозди каблука, отверстие в боте, слой соляного раствора и на землю. На ладони следов ожогов не было обнаружено, а на пятке против двух гвоздей были небольшие красные пятна.

Странным и необычным для меня оказались хорошо запомнившиеся предсмертные яркокрасочные солнечные мгновенно пролетевшие видения (почему-то только в светлое время суток) всего уже прожитого мной, что однажды уже было, когда меня придавило на газогенераторном тракторе бревном перекладины деревенских ворот. Привиделись все мои приятели, дед и родители, сестры и другие родственники, деревенские соседи, учеба в техникуме и работа на строительстве МГУ. Мне казалось, что я витаю где-то высоко в облаках в очень хорошем настроении и самочувствии, радуюсь каждому увиденному на земле человеку, знаю все о них, их мысли и чаяния. Зачем эту запись надо мозгу выдавать в самые последние мгновения жизни, для чего это предусмотрено природой человека (а может быть, и всех живых существ вообще)? Возможно, в этом особом состоянии между бытием и небытием человек просматривает пройденный им на белом свете путь и прощается с земной жизнью? Или это требуется человеку для быстрой оценки самого себя, чтобы взвесить сделанное им в жизни количество хорошего и плохого, прежде чем его душу будут оценивать верховные и космические силы для направления ее в рай или в ад и чтобы он воспринял их решение как должное? Ведь известно, что клиническая смерть сопровождается полным отсутствием восприятия пространства и времени, прекращением ритмической деятельности сердца и дыхания. Самописец на ленте электроэнцефалографа вычерчивает прямую линию: мозг в это время бездействует. Не знаю, однако это периодически заставляло меня задумываться о таком явлении. Я неоднократно слышал, что пережившие состояние клинической смерти, комы или близкое к ней состояние тоже рассказывали о видении ими картин прожитого. А ведь эти люди, как и я, могли быть не выведены из предсмертного состояния. Значит, перед смертью все люди проходят эту стадию? Для чего?

Позже оказалось, что феномен клинической смерти и связанные с ней видения эпизодов своей жизни людьми, выведенными из комы, является предметом статистики, серьезных анализов и рассмотрений психиатрами и учеными-медиками. Например, в изданной в 1975 году и нашумевшей книге американского психолога Р. Моуди «Жизнь после жизни», которая периодически до сих пор переиздается, утверждается, что «...умирание представляет собой духовный процесс, во время которого происходит прозрение, дающее толчок к преобразованию **дальнейшей** жизни человека...». И ведь действительно кажется противоестественным, чтобы жил-жил человек, познал многие житейские радости и горести, обрел огромный опыт и мудрость и вдруг все – смерть. Как-то не хочется в это верить и почему бы не предположить, что после смерти предписано нашему индивидуальному разуму и в самом деле продолжить свое существование, пусть и в какой-то иной ипостаси? Эволюция или еще что-то так усердно поработали над сотворением человека разумного (*homo sapiens*), что его совершеннейший мозг обладает огромными возможностями и чрезвычайно большой памятью, которая в течение всей земной жизни используется только на 5–10 процентов. Зачем же нужно было создавать остальной резерв? Природа так нецелесообразно не работает. Значит, сохранившаяся большая часть нейронов нужна для чего-то еще, возможно, для «жизни после жизни»?

В комнате лаборатории верхний слой пластика пришлось аккуратно вырезать около швов и снять листы, просушить нижний слой и заварить неплотность стыка, а потом опять уложить и герметично сварить верхний слой. Этот корпус вскоре был принят в эксплуатацию с отличной оценкой, и началась предпоследняя подготовка к приемке заказчиком второго корпуса. Я надеялся на мое скорое возвращение поближе к городу, опять на завод ВНИИЭФ, хотя с бригадами з/к здесь сложились хорошие деловые отношения и даже жалко было расставаться с ними. Однако меня снова пригласили в Управление строительства к Когану, где находился и прораб Иван Семенович Каталагин, высокий сухопарый пожилой человек, с которым я уже был знаком по работе на заводе «Авангард». Меня Коган зачем-то попросил напомнить о работах в Москве, что я кратко и сделал, не забыв упомянуть теперешнюю учебу вечерами в институте. После этого Коган сказал, что по согласованию с руководством третьего строительного района он переводит меня в другой район в подчинение к Ивану Семеновичу, так как на одной из внутренних полигонных площадок надо вести работы в две смены, а там из ИТР только один прораб. Я, как и ранее, начал возмущаться такими перебросами. Но Коган ответил, что такова судьба строителя – после построенного надо снова начинать очередную стройку, нередко далеко от прежнего места. «Я, – сказал заместитель главного инженера, – поработал уже в шести местах. А это значит, что столько раз надо перевозить семью с имуществом, устраивать в ясли или садик детей, обеспечивать работой жену. А ты – холостой, никуда не переезжаешь, только будешь ездить в противоположном направлении. Так что завтра сдавай все свои дела, а послезавтра утром приходи к 8 ч. к этой церкви и поедешь вместе

с Иваном Семеновичем на машине на площадку. Он введет тебя в курс дела, ты будешь командовать з/к в дневную смену, а он – в вечернюю. Людей мы туда специально отобрали работающих, с малыми лагерными сроками, рецидивистов нет. Думаю, что месяца через два вы одно здание сдадите под монтаж оборудования и начнете работу на других корпусах только днем, тогда вам вместе будет попроще. Твой переход мы завтра узаконим приказом. А на лекции ты к 6 ч. вечера не будешь опаздывать, бери машину и уезжай раньше, не дожидаясь приезда прораба, только оставляй ему при необходимости письменно твои пожелания или какие-то замечания по делам. Скажи о таком твоём распорядке и охране площадки. С Иваном Семеновичем мы договорились. При каких-либо сложностях звони мне».

Так я оказался опять в другом месте, о чем позже не пожалел, так как узнал много интересного. С прорабом мы хорошо сошлись, он понимал мои молодые интересы, я с уважением относился к его годам, практическому и жизненному опыту. Он никаких учебных строительных заведений не заканчивал, только очень давно какие-то краткосрочные курсы, осваивал многое самостоятельно, практически и по книгам. Поэтому относился с большим почтением к «ученым» людям, особенно к стремящимся и дальше постигать знания. Сюда в даль руководство заглядывало очень редко, мы сами были тут хозяевами. Материалами, инструментами, механизмами и автотранспортом нас оперативно обеспечивали по нашим заявкам. Главное – это не прозевать сделать их своевременно.

Однажды у нас произошел трагический инцидент. Как-то в конце обеденного перерыва попросил разрешения зайти ко мне в контору на втором этаже бригадир. Он выглянул в окно и произнес: «Гражданин начальник, посмотрите, фараонов в тачках везут». У меня сразу возникли ассоциации с египетскими пирамидами, пышными выездами фараонов в сопровождении свит. Я, встав из-за стола, надеялся узреть какое-то шутовское и веселое красочное представление, придуманное з/к, но увидел скорбный обоз из четырех тачек с явнонеживыми в них людьми, головы которых неестественно были наклонены в стороны, руки и ноги тащились по земле. Рядом шли три невооруженных надзирателя. Я быстро спустился вниз и спросил надзирателей, что случилось. Они объяснили, что делали традиционный обход зданий в рабочей зоне, проверяя соблюдение з/к требуемого режима, и обнаружили четыре еще теплых трупа. Поэтому дали команду быстро доставить их к помещению проходной вахты и вызвали скорую помощь. Последующее расследование показало, что это неделю назад прибывшие в лагерь недавно осужденные з/к. Обнаружилась и бутылка с небольшим количеством ацетона. По-видимому, з/к слышали о возможности расслабиться с помощью ацетона. Но о предварительном выжиге из него ядовитых составляющих (я об этом писал выше) не имели представления. Получалось, что, если они все выпили по одинаковой порции ацетона, то на каждого из них пришлось по 125 граммов этой жидкости, что и оказалось смертельной дозой. Где и как они достали и принесли в зону ацетон – установить не удалось, так как для наших работ здесь ацетон официально не завозили.

Ход строительных работ шел успешно, и у меня появилось время для подготовки здесь к лекциям. Однако в конце августа 1952 года меня опять вызвал к себе Коган. Он с ходу задал вопрос – понимаю ли я что-либо в проектировании и прокладке железных дорог. Замявшись, я начал рассказывать об учебе в железнодорожном техникуме, практике на паровозах, геодезическом изыскании оптимального проекта пути, рациональной отсыпке насыпи и т. п. Он вроде бы внимательно слушал минут десять, затем внезапно оборвал: «Достаточно! Мне все ясно. Если ты это представляешь, значит, справишься. Нам надо быстро спроектировать трассу и проложить железнодорожный путь к строящемуся растворобетонному узлу, чтобы со станции Боровая подвозить на платформах песок, щебенку и цемент без перегрузки на автомашины. Твои знания здесь очень пригодятся. Поезжай сейчас на моей машине на свою площадку, сдай там все дела Ивану Семеновичу, которому я о уже позвонил. А завтра утром к 8 ч. будь у меня». Вечером я сходил в городскую библиотеку и взял книги по проектированию и прокладке железных дорог, чтобы обновить когда-то полученные знания по этим вопросам.

На следующее утро я застал у Когана двух геодезистов. Он еще раз повторил сказанное вчера и далее конкретизировал задачу. Узел уже начал создаваться вправо от станции Боровая (если двигаться от Берещино) на расстоянии около двух километров (по нынешней улице Силкина), и к нему надо было сделать пути через речку Саровку, затем на небольшой взгорок, потом справа за огородами деревни из примерно 12 дворов (она располагалась в начале нынешнего бассейна и называлась Мордовским поселком; его снесли в начале 1960-х годов, переселив жителей) и далее через мелкий лес к указанному узлу. Добавил, что для пропуска воды Саровки нужно проложить на дно реки три железобетонные трубы с внутренним диаметром около метра, а над ними сделать земляную дамбу для дороги. Я спросил, под двух- или четырехосные платформы проектировать путь, сколько будет максимально платформ в составе и какова должна быть скорость поезда, чем несколько озадачил Когана. Затем я добавил, что от этих данных зависит радиус кривизны ответвления дороги от путей на Боровой, тип рельсов, угол подъема путей на взгорок, форма и размеры насыпи и частота укладки шпал. Коган, подумав, сказал, что, если пройдет четырехосная платформа, то пройдут и двухосные; значит, надо делать путь под четырехосные. Вряд ли будет более пяти платформ в составе. Все остальное определите исходя из минимума земляных работ. Мы за два дня с помощью теодолита и нивелира оперативно сняли топографический план всей местности прохождения пути с учетом высоты поверхности земли относительно головки рельса колеи на Боровой, затем за последующие два дня спроектировали на бумаге профиль насыпи, рассчитали объем изымаемого и перевозимого грунта вдоль трассы. Наибольшую выемку глубиной до 3,5 метров необходимо было делать через песчаный холм за огородами указанной деревни (позже песок с него вывозили для засыпок пониженных участков при строительстве жилых домов). На пятый день наш проект обсудили

и приняли на совещании у Анискова, были выделены два бульдозера для прокопки выемки и производства других земляных работ, четыре бригады з/к для расчистки трассы от деревьев, обустройства насыпи, укладки шпал. Меня назначили руководить работами, подчинив снова начальнику участка капитану В. И. Комарову. Одного из геодезистов определили для контроля по приборам соответствия профиля насыпи проекту. Срок прокладки пути определили максимально в два месяца. И работа закипела. Выделялись по заявкам автокраны, экскаваторы и самосвалы. Утром приводили из лагеря бригады з/к, привозили на автомашинах строительные инструменты, охрана огораживала высокими вешками по согласованию со мной границы стройучастка и объявляла бригадам, что при выходе за границы она имеет право стрелять на поражение. По углам участка стояли вооруженные солдаты. Так как полотно дороги должны были сделать за короткие сроки, то не сооружались какие-либо временные крытые постройки, кроме перемещаемого туалета. Обедали и з/к, и солдаты на открытом воздухе.

Произошел тут однажды и любопытный случай. Я находился с рабочими на обустройстве дамбы через Саровку, как вдруг прибежал один из з/к и сказал, что провалился бульдозер и водитель зовет меня быстро к себе. Я подошел и увидел перекошенный бульдозер на глубине выемки около трех метров. Передняя часть одной из его гусениц ушла вниз. Взяв лопату у з/к, чем очень обрадовал его, я раскопал немного грунт и обнаружил кирпичный свод, часть которого и провалил гусеницей бульдозер. Посоветовавшись с водителем, я попросил второго водителя подогнать сюда другой бульдозер и постараться тросом вытащить из провала первый бульдозер на нейтральной скорости. Попытка сразу удалась. Я распорядился тут пока выемку не делать, а продолжить работу в другом месте. Охране сказал, чтобы з/к сюда не подпускали. По пролому я увидел, что свод сделан из добротного обожженного до фиолетового цвета нестандартного кирпича. Опустил вниз ствол тонкой березы и определил, что от верха свода до дна около 1,9 метра, а внизу находится вода. Время подходило к обеду, я попросил бригадира сделать узкую лесенку длиной два метра, а сам пошел в общежитие, чтобы там быстро перекусить, надеть резиновые сапоги и взять электрический фонарик. Вернувшись, я подозвал геодезиста для страховки, через провал посветил вправо и влево и увидел, что здесь проходит выложенный кирпичом подземный ход шириной более метра, дно которого покрыто прозрачной водой. Опустив в провал лесенку, я осторожно стал спускаться по ней, готовый выскочить наверх в случае какой-либо опасности. К сожалению, на дно я встать не смог и пройти по подземелью тоже, так как уровень воды превышал высоту голенищ сапог. В обе стороны от провала длина хода была более 10 метров, если судить по пробиваемой лучом фонаря темноте. Стенки хода были влажными, без плесени и слизи, тоже выложенными из кирпича. Выбравшись, я рассказал увиденное геодезисту, и мы обменялись с ним мнениями о назначении хода. Так как я уже знал из своей книги о действовавшей в царские времена недалеко отсюда на Ближней пустынке купальни с обильными подземными ключами в три зала (монастырский,

мирские мужской и женский), то мы и решили, что хитрые монахи проложили в купальню подземный водовод, хотя о нем в книге ничего не сообщалось. Направление хода было несколько левее еще возвышающихся на 1,5–2 метра остатков стен этой купальни с облицованными изнутри залов красивыми бело-голубыми изразцовыми плитками. (А упоминаемую книгу об истории монастыря попросил у меня в 1960 году недельки на две почитать один знакомый работник КГБ – Костин. Через 10 дней я узнал, что, он, нырнув летом с берега в Мокшу, ударился головой о дно, свернул шейные позвонки и скончался. Я отправился в КГБ за своей книгой, но там сказали, что ее на рабочем месте Костина нет, как не оказалось ее и у него дома. А ее мне было жалко, в первую очередь как память о деде.)

Я сходил на станцию Боровую и позвонил оттуда начальнику участка, рассказав о провале бульдозера и о том, что там увидел. По голосу мне показалось, что он, вопреки его равнодушной реакции на какие-либо происшествия, даже немного растерялся. «А видели ли этот ход з/к? И не лазили ли они через отверстие вниз?» – спросил он. Я еще раз пересказал ему, что з/к знают только о провале бульдозера в какую-то полость. Но что это за «яма», не знают, так как я приказал охране к ней их не подпускать. Он тут же добавил: «Встань сам у провала и никому, включая гражданских лиц, не позволяй подходить. Сейчас мы приедем». Минут через 20 прикатил на грузовике капитан, за ним – на «виллисе» Коган и тут же подъехали еще две машины, с шестью мужчинами в гражданской одежде. Осмотрев по очереди через провал подземелье, посветив туда моим фонариком, они расспросили меня, что я там увидел. Затем гражданские отошли в сторону и начали совещаться. Из их разговоров я понял, что это и есть, возможно, давно искомый подземный ход из Саровского монастыря в Дивеевский «для приятных свиданий наших монахов с дивеевскими затворницами». А капитан Комаров позвал старшего сержанта – начальника охраны – и попросил построить и пересчитать по списку всех з/к. Все оказались на месте. После этого гражданские пригласили еще бульдозеристов и геодезиста, записали мою и их фамилии и, сказав, что они представители Комитета госбезопасности СССР, приказали никогда никому ничего не рассказывать об этом подземном ходе, после чего уехали. А Коган дал команду Комарову привезти сюда немедленно железобетонную плиту, пригнать автокран, положить плиту над отверстием и насыпать на нее бульдозерами грунт. Путь же отвести от этого места в сторону на 10–20 метров. В тот же вечер закрыли провал плитой и засыпали ее грунтом, а утром начали делать выемку в новом указанном месте.

Когда в 1989 году было создано добровольное историческое объединение «Саровская пустынь», то среди ее разнообразной деятельности особое место занимало обнаружение и раскрытие пещер под монастырем. В апреле 1992 года добровольцы начали раскопки. Но только 22 июля был обнаружен вход в подземные ходы и началась их расчистка от обрушенного грунта (вероятно, обрушение произошло при взрыве Успенского собора и Церкви Пресвятой Богородицы, а также в результате прорыва грунтовых вод). Удалось пройти по некоторым подземным путям под монастырем, проложить электрическое освещение, обнару-

жить серию подземных келий. Ходы там расположены на уровне 9 и 12 метров от поверхности земли. Есть сведения, что они имеются и на уровне 16 метров, но еще не открыты. Из церквей и собора монастыря были когда-то спуски в пещеры. Пробиты ходы в естественном достаточно прочном доломитовом известняке. Начал их копать еще первоначальник Иоанн в 1692 году. Подземный храм размером 6×9 метров сделан в 1709 году и освящен в 1711 году в честь Антония, Феодосия и прочих преподобных Киево-Печерской лавры (по-видимому, и задуманы были пещеры по образцу киевских). Свод церкви поддерживается четырьмя кирпичными колоннами более метра в поперечнике. К 2003 году пещеры облагородили, сделали новый иконостас в храме, стали проводить в нем богослужения, организовывать экскурсии (я там был). В настоящее время протяженность всех доступных ходов около 300 м. Оказалось, что есть от подземелий несколько подобных ответвлений, в том числе в сторону купальни, но в начале они сильно завалены камнями и грунтом. Вряд ли имеется ход до Дивеева (сложно это сделать под дном рек Сатиса и Вичкинзы), но вероятность его до Ближней пустыньки значительна. И это тем более, что упоминаемый выше песчаный холм имел явно искусственное происхождение. В советское время завозить откуда-то песок и складировать его здесь было абсурдом. При строительстве зданий монастыря песок для известкового раствора доставлялся непосредственно к месту работы. Скорее всего, песок вывозился сюда при прокладке оконечной части подземного хода, недалеко находящегося.

Почти 50 лет хранил я тайну обнаруженного в 1952 году описанного выше подземелья, но затем рассказал об этом знакомому. Дошел мой рассказ и до Анатолия Александровича Агапова, одного из основоположников объединения «Саровская пустынь», ныне (2009 г.) начальника научно-методического центра ВНИИЭФ. В 2003 году он попросил меня съездить с ним на место для приблизительного определения местоположения того хода. По ориентиру относительно точно известного положения фундамента купальни подземелье определилось почти по центру начала современной ул. Силкина. В конце 2006 года по этому же вопросу обратился ко мне писатель, известный историк и краевед, знаток обширных сведений о преподобном Серафиме Саровском и истории его рода, автор и соавтор нескольких книг о нем – Валентин Александрович Степашкин. Он добыл топографический участок карты той местности 1949 году с нанесенной на ней деревней в начале нынешнего бассейна и песчаным холмом. Поэтому с привязкой к земляной насыпи (ее все называют перемышчкой) над трубами в русле Саровки, остаткам купальни и расположению деревни с песчаным холмом я смог более точно показать местонахождение подземелья. Было бы здорово окончательно определиться с этим подземным ходом. Однако, если его верх находился на уровне трех метров или меньше от поверхности земли, то скорее всего он в местах застройки жилых домов и прокладки водопроводных и канализационных труб разрушен. Но, по-видимому, он был ниже за исключением места выхода хода наверх, где его свод и провалил бульдозер. В. А. Степашкин свои архивные и историче-

ские исследования в поисках истины относительно наличия подземных ходов за пределы монастыря изложил в «Саровской газете» № 33–35 за 2008 год. В последней статье «Неведомый Саров. Пещерный монастырь. Часть III» он, наряду с воспоминаниями старожилов Сарова о пещерах, изложил кратко и мой рассказ. При этом Степашин склоняется к моей первоначальной версии, что бульдозер провалился в водовод, проложенный к купальне. Для возможного доказательства этого он ссылается на доклад в 1911 году игумена Иерофея владыке Кириллу, когда возникли проблемы с вытеканием воды из источника на Ближней пустыньке: «Многоцелебный источник исправили, вода по-прежнему... течет обильною струей, чем мы много, много обрадованы». Но мне представляется, что водовод такой высоты и ширины делать было нецелесообразно. Очень хочется, чтобы это был именно подземный ход.

В книгах я прочитал, что, когда повстанцы Е. Пугачева захватили в 1774 году Темников (тогда Тамбовской губернии) и жители пожаловались им на притеснения их Саровским монастырем, то туда был направлен отряд для расправы с угнетателями. Узнав об этом, саровские монахи основные богатства спрятали в подземелье, большая часть служек уехала в Арзамас, остались немощные и больные, а также те, кто надеялся тайно выбраться из монастыря при его захвате пугачевцами. Можно предполагать, что планировалось покинуть территорию монастыря через длинный подземный ход, каковым являлся именно ход к Дальней пустыньке. Однако пугачевцы до Сарова не добрались, так как за Темниковым в одной из деревень захватили винокуренный завод и надолго тут закутили.

К середине октября земляное полотно под железнодорожный путь сделали, началась завозка и раскладка шпал и рельсов. Но тут выявилось, что освободелась часть бригад, которые почти год занимались устройством широкой колеи от Шатков до Сарова и имеют большой опыт в этом деле по сравнению с полным отсутствием его у новичков, снятых для этих целей со строительства зданий. Поэтому моих работяг вернули в их прежние зоны, а сюда дали три другие бригады. Я и геодезист первым делом разметили кривую линию отвода колеи от Боровой. Умения и знания бригадиров по устройству железнодорожного пути сразу были видны. Две бригады начали окончательную раскладку шпал по нашей разбивке, размерную (между головками рельс 1524 мм) укладку рельсов на металлические подкладки и забивку костылей с последующим выравниванием головок рельсов по точному железнодорожному уровнемеру, а третья бригада стала делать земляную подсыпку и подбивку шпал с трамбовкой грунта. Но мне и тут не дали довести работу до конца, хотя требовалось для этого еще максимум дней 15. Приехал В. И. Комаров и сказал, что главные дела все сделаны, работы осталось мало и ее завершат тут без меня. Весь его строительный участок перевели с промышленных зданий на жилые дома, поэтому я завтра должен сдать все дела здесь новому мастеру из з/к и послезавтра выйти на новое место работы, находящееся почти рядом с общежитием (последнее меня обрадовало). Вопрос обо мне с руководством Управления строительства уже решен.

Бетонно-растворный узел и дорога к нему действовали примерно до 1966 года, после чего узел демонтировали и рельсовую колею со шпалами сняли. Изначально для отопления паром узла в холодное время, подогрева песка, щебня, раствора и бетона доставили старый паровоз с узкоколейной дороги, установив его недалеко от будущего ограждения зоной зданий физического, математического и теоретического отделений. Однако затем обогрев организовали от другого устройства, а паровоз так и остался стоять в лесу как память того времени, быстро покрываясь ржавчиной. Но вдруг в начале 1970-х годов паровоз весь заблестел от черной лаковой краски. Оказалось, что ожидается приезд какого-то высокого руководства во ВНИИЭФ с возможным посещением физического отделения. Новый заместитель начальника по хозяйственным вопросам Михаил Ионович Федоров, обходя свои владения, внезапно обнаружил вне площадки сиротливо стоящее громоздкое транспортное средство. А если сюда заглянет руководство? Непорядок! Не разбираясь, чье это хозяйство, он дал команду подчиненным привести его в надлежащий вид. Посему паровоз немедленно очистили снаружи от ржавчины и покрасили от трубы до колес за два раза кузбаслаком, и стал выглядеть локомотив времен Стефенсона как сверхсовременный. Долго еще этот тяговый транспорт вызывал улыбки у проходящих мимо сотрудников.

В конце 1952 года начали распространяться подтвердившиеся вскоре слухи, что начальника строительства Анискова переводят от нас в Обнинск (как позже выяснилось, на строительство первой в мире атомной электростанции, затем он руководил строительством Дубны, работал куратором в строительном главке Минсредмаша, скончался и похоронен в Москве), а на его место приезжает генерал-лейтенант Иван Семенович Любый, работавший до этого начальником Главного военно-строительного управления НКВД (МВД) СССР.

Я по рисовальной части познакомился с одним неплохим художником из з/к и нередко заглядывал к нему в мастерскую. Он занимался изготовлением агитационных художественных материалов (плакатов, транспарантов и др.), вывешиваемых в лагерной и рабочих зонах, а также по заказам руководителей лагеря для их личных целей копированием маслом с открыток картин известных художников. Узнав, что я хотел быть когда-то художником, будучи принят на учебу в художественный техникум в Рязани, и не потерял еще вкус к рисованию, з/к начал агитировать меня продолжить занятие этим благородным делом. На мои слова о трудностях в приобретении красок, кистей, холста и других нужных материалов и приспособлений сказал, что всем этим он меня обеспечит. И в самом деле он начал постепенно снабжать меня всеми этими материалами, а также отдал большой комплект цветных открыток, изданных главным образом в довоенной Германии (часть из них хранится у меня до сих пор с написанными готическим шрифтом немецкими адресами). И я начал изредка выбирать время и копировать маслом картины на подготовленных для этого холстах, туго натянутых на подрамники, в присутствии большого числа зевак из общаги. Есть даже сделанные не мной фотографии таких процессов. Первыми такими копиями

были «Богатыри» В. М. Васнецова, «Охотники на привале» В. Г. Перова, «Битва Пересвета с Челубеем» М. И. Авилова. За несколько месяцев я нарисовал восемь картин и устроил в нашей квартире своеобразную галерею. А летом 1952 года (в институтские каникулы) мне неожиданно в профкоме предложили путевку в санаторий в Минеральные Воды, чтобы подлечить желудок, который я в годы учебы в техникуме сильно подпортил сухомыткой и частым потреблением киселя на морсе. Он у меня периодически побаливал, и я жаловался врачам на это. Так как из зоны в санатории выпускали, то я согласился поехать.

А когда вернулся из отпуска, то наших московских командированных уже не было. Но не было и семи моих картин. Кто-то из них вырезал полотна, составив подрамники в углу. Осталась лишь «Битва Пересвета с Челубеем». Николай Власов сказал, что пропажу картин он обнаружил вечером после отъезда наших сожителей, но решил, что это сделано с моего разрешения. Заявлять в милицию я не стал. Но после этого я скопировал за несколько лет всего четыре картины, подарив их своим знакомым. До сих пор висит у дочери Наташи благородно оставленная столичными жителями и сохранившаяся копия картины «Битва...».

В середине 1952 года нас – общежитских – переселили в поселок «Боровое», где уже в конце 1950 года было сдано под заселение первых шесть 12-квартирных 2-этажных каменных домов. Название поселка связано с имеющимся ранее здесь красивым бором из высоких сосен с корабельными прямыми стволами. Я еще застал тут часть такого бора. В сентябре 1951 года открылся в поселке продовольственный магазин. В один из первых домов – № 2 по ул. Берии (ныне Гагарина) – мы и переехали, но теперь в квартире были уже ванная и горячая вода. Несколько гнетущее впечатление создавало расположенное через дорогу неухоженное кладбище (на его месте затем был построен кинотеатр «Октябрь») и некоторая территория за ним. И хотя захоронения тут были прекращены еще в 1949 году, однако видна была запущенность местности, стояли сравнительно новые кресты и много их старых и поломанных. В связи с планируемым размещением здесь кинотеатра начали в 1953 году вскрывать могилы и переносить по заявлениям родственников останки на новое кладбище за Маслихой. Эти работы производили з/к, которым два раза в день давали по 100 граммов водки. (В изданной в 2009 г. книге М. Ф. Шемяковой «Саров моего детства», проживающей в городе с 1938 года, отец которой – Ф. И. Бисяев – работал начальником политотдела военизированной охраны, сообщается, что еще одно старое кладбище располагалось между нынешним магазином-стекляшкой на ул. Чапаева и массовой библиотекой им. В. В. Маяковского. Кроме того, с 1946 по 1950 годы огороженное колючей проволокой кладбище заключенных находилось напротив теперешней школы № 15 на месте углового дома по ул. Александровича, 9-этажного дома по ул. Силкина и 5-этажного дома по ул. Куйбышева. Однако я, прибыв в Саров в 1951 году, бывал в указанных местах, но наличие здесь кладбищенских территорий почему-то не запечатлел. Хотя я четко помню разрытое бульдозером групповое захоронение (якобы документально неизвестное) при прокладке же-

лезной дороги в 1953 году по левому берегу Саровки к складам бывшего ОРСа. Было обнаружено около двух десятков человеческих черепов, и начаты расследования. Позже говорили, что где-то все-таки нашли записи о захоронении тут в конце 1920-х годов бывших коммунаров-беспризорников из организованной в зданиях монастыря Сарова коммуны.) Весь дом был отдан под общежитие. На сей раз нас с Власовым разделили, так как комнаты частично уже были заняты, и потому я попал в соседи к Владимиру Ластовченко – инженеру-строителю, закончившему Киевский строительный институт. Мы быстро подружились. Он обладал чувством юмора, любил подколоть кого-то из окружающих и сам особенно радовался, если кто-то удачно подшутил над ним. У нас оказалось много сходных интересов. Кроме общей специальности, он и я увлекались радиотехникой и фотографией, играли в шахматы, любили русские романсы, нам обоим нравились заводные песни А. Вертинского, П. Лещенко, Ю. Морфесси и других эмигрантов. А у меня осталось много привезенных из Москвы записей этих исполнителей на «ребрах» (их песни нередко передавали запрещенные для открытого прослушивания заграничные радиостанции «Голос Америки» и «Свободная Европа», передачи которых искажались «глушилками»). Поэтому я был в значительной мере монополистом таких записей, наличие которых до этого не очень афишировал, зная, что по идеологии КПСС прослушивание их могло быть наказуемо. Мы сообща купили радиолу и постоянно крутили пленки для себя и других общежитских. Постепенно Владимир осмелел и начал выставлять вечерами радиолу на подоконник, открывая створки окна на улицу и включая звук на большую громкость (я находился обычно в это время в институте). Проходившие люди часто останавливались, слушая запрещенную музыку. Но недели через две явились вечером в нашу квартиру два человека в офицерской форме и гражданский. Представившись работником милиции, а своего спутника представителем общественных организаций, офицер попросил показать им нашу комнату. Обнаружив на подоконнике радиолу и стопку грамзаписей на «ребрах», милиционер обрадовался и тут же произнес: «Так это на вас, значит, жалуются местные жители. Это вы распеваете и пропагандируете антисоветчину! Где вы достали эмигрантское отребье?». Ластовченко сделал удивленное лицо и сказал: «Какую такую антисоветчину? Мы слушаем радиолу, мелодичные, веселые и красивые песни. А кто исполняет их – нам не важно. Да, открываем окна, и людям на улице музыка тоже нравится, они останавливаются, слушают и просят повторить еще. Так почему же нельзя советским людям делать приятное! Никто на улице ни разу не возмутился! При чем тут антисоветчина?». Вступился гражданский: «Вы, молодой человек, шибко грамотный, но идеологически совершенно неподкованный и начинаете крутить. Мы неоднократно были у вашего окна и слышали, как вы называли среди исполнителей Лещенко, Вертинского и других белоэмигрантов, а по существу, вредителей и предателей советской власти. Поют у вас упаднические мелодии и Козин с Утесовым. Поэтому мы вас официально предупреждаем, что, если вы еще раз начнете посредством песен пропагандировать врагов на-

шей Родины, то можете вместо руководителей з/к сами оказаться в их роли. Но сначала мы отберем у вас радиолу и записи, потом выгоним вас из комсомола!» И ушли. Мы обсудили это предупреждение и поняли по опыту общения с з/к, что уже сейчас дело можно раскрутить серьезно и действительно обвинить нас по статье 58 в пропаганде антисоветской идеологии, и дать срок. Потому решили окно больше не открывать и вообще пока эти пластинки спрятать подальше. Что на время и сделали. Но песня «Журавли» П. Лещенко осталась постоянным атрибутом коллективного ее исполнения при еженедельных общих застольях. Мы были молодые, в отпуск нас не пускали, мы скучали по близким и родине, а в песне о ностальгии и говорилось:

Здесь под небом чужим я, как гость нежеланный.

Слышу крик журавлей, улетающих вдаль.

Сердце бьется сильнее, видя клин каравана.

В дорогие края провожаю их я.

Вот все ближе они. И все громче рыдания.

Словно скорбную весть мне они принесли.

Из какого же вы, из далекого края

Прилетели сюда на ночлег журавли?

Пронесутся они мимо скорбных распятий,

Мимо древних церквей и больших городов.

А вернутся они, им раскроет объятия

Золотая весна и Россия моя.

Напомню, что П. Лещенко был арестован в Румынии в 1944 году после ее освобождения от фашистов, вывезен в СССР и здесь погиб, могила его не известна. Где-то с 1970-х годов о нем стали говорить по радио и телевидению как о патриоте России, передавать песни в его исполнении. О нем неоднократно рассказывала вернувшаяся в 1989 году из эмиграции Алла Баянова, певшая романсы и цыганские песни за рубежом в его ансамбле. Он очень любил Россию, оказавшись случайно за рубежом, страстно хотел вернуться на родину. А. Вертинский возвратился еще в 1943 году, но многие его песни были долго запрещены к исполнению, хотя уже в 1951 году он получил Сталинскую премию в области кино. В. Козин, внук известнейшей певицы В. В. Паниной, исполнитель романсов и цыганских песен, произведений русских композиторов и собственных сочинений, был репрессирован. После освобождения остался в Магадане, скончался там и похоронен в 1994 году.

Ластовченко назначили прорабом, дали постоянный пропуск для выездов с «объекта» и направили на строительство целой серии застав по периметру охранной зоны и дополнительного ее усовершенствования. Он должен был сам нанимать на эту работу мужчин из деревень вокруг зоны, заключать с ними договоры о приеме их на временную работу, вести серию учетных ведомостей, платить аванс и зарплату, перевозить рабочих на автомашинах, которые были в его рас-

поряжении. Для денежных операций ему выдавались под его ответственность соответствующие суммы. Строительные же материалы доставлялись по заявкам из зоны. Ластовченко был человеком очень коммуникабельным, умел договариваться с народом, а доверие руководством денег ему очень льстило. Дела у него сразу пошли хорошо, планы он перевыполнял, его хвалили за успехи, поощряли. Еще Владимир отличился тем, что ему по совместительству с указанными работами поручили построить очистную станцию, которая ныне размещается в начале улицы Димитрова справа за забором.

Станция оказалась очень сложным объектом, так как требовалось сначала вырыть глубокий котлован через несколько слоев пльвуна (сильно насыщенный водой песчаный легко перетекаемый грунт; наверное, сказалась близость Саровки) и обеспечить в нем проведение сухих строительных работ: сборку и вязку арматуры, сооружение опалубки, бетонирование, монтаж и наладку дробильного и насосного оборудования и др. Долго не удавалось защититься от пльвуна. Пытались несколько раз «заморозить» грунт на большую глубину вокруг станции, забивать в несколько слоев металлический шпунт и др. Но каждый раз вода быстро заполняла котлован. Ластовченко предложил забить шпунт на глубину ниже основания станции на 2–3 метра и специально загерметизировать стыки между каждыми соседними листами шпунта, а затем сделать вокруг дополнительное аналогичное герметичное металлическое ограждение, но диаметром больше на три метра, выбрать между обоими ограждениями грунт на глубину ниже основания станции и постоянно откачивать насосами воду из этого промежутка. Только так добились «сухого» выполнения работ во внутреннем ограждении, и были сооружены бетонное основание и стены станции, и произведен последующий монтаж оборудования. Это предложение Ластовченко оформили как рационализаторское со значительным экономическим эффектом и выплатой ему премии. Кроме того, предложение его рекомендовали к широкому использованию на других стройках. Владимир вскоре по итогам успешной работы в Управлении строительства был награжден орденом Ленина.

Мы с Владимиром, по-видимому, первыми в Сарове стали делать цветные фотографии, так как многие приходили тогда посмотреть на наше красочное чудо. У Владимира старший брат Михаил, офицер, учился в военном радиолокационном институте в Киеве. Он достал заграничные цветные пленки шириной 36 миллиметров, соответствующую фотобумагу, необходимые химикаты и прислал их нам. И мы начали освоение этого трудоемкого по тем временам процесса, особенно получения изображений на бумаге, так как каждая пленка получалась с наложенной на нее цветной вуалью своего оттенка. Чтобы убрать вуаль с фотографий, требовалось подобрать посредством фотоувеличителя с помощью набора корректирующих светофильтров нормальную цветопередачу на бумаге. А для этого следовало сделать несколько фотопроб (длительная по времени процедура). Зато редкие качественные фотографии (некоторые у меня сохранились) вызывали искренний восторг. А вскоре Владимир приобрел мечту своей жизни –

почти новый автомобиль «Москвич» – и стал своего рода автомонополистом в общежитии. Редкие жители имели тогда личные автомобили, распределяемые по очереди на предприятиях только особо выдающимся личностям. За зону на машинах практически не выпускали, но внутри мы объездили всю доступную территорию. По воскресеньям (субботы тогда были рабочими днями) Ластовченко перевозил за 2–3 рейса общежитскую компанию куда-нибудь в лес, где организовывался отдых на природе.

У Владимира была в Киеве подружка – Жанна, симпатичная (судя по фотографиям) девушка, единственная дочь состоятельных родителей. Пользуясь наличием на руках постоянного пропуска, Ластовченко примерно раз в два месяца отправлялся к ней на свидания. В субботу на «объектовском» самолете он летел в Москву и пересаживался там на «летак» до Киева. Стоимость авиабилета тогда совсем немного превышала (10–20 %) стоимость поездки по железной дороге. Возвращался он обычно самолетом в понедельник в 11 ч. и всегда в расстроенных чувствах: общий язык с подружкой опять не нашел, больше на Украину не полетит, а так как холостяцкая жизнь надоела, то он будет здесь искать невесту. Два раза дело доходило до сватовства, в каждом приходилось участвовать и мне. Но накануне свадеб сердце Владимира не выдерживало, он откладывал женитьбы, отправлялся «в последний раз» в Киев и возвращался опять ни с чем.

В 1956 году Ластовченко разрешили в порядке исключения уволиться со строительства. Он продал «Москвич» и отправился в Киев к родителям, которые купили там машину (его отец был главным геодезистом Украины). Я проводил Владимира до Москвы, договорились переписываться, но через два года вести из Киева почему-то приходят перестали, несмотря на мои неоднократные попытки узнать причины. Будучи в 1963 году в командировке в Киеве, я попытался через справочное бюро найти его, но по старому адресу родители Ластовченко уже не жили, а нового адреса их или Владимира не нашли. А встретиться очень хотелось.

В одной из комнат нашей квартиры жил Анатолий Чарторицкий, выпускник Воронежского строительного института, по специальности мостовик. Его тоже, как Ластовченко, направили прорабом на работы по обустройству зоны. Но в отличие от него он никак не мог наладить отношения с нанимаемыми им на работу деревенскими мужиками. Те несколько раз присылали с шоферами руководству строительства жалобы на него. Якобы он вовремя не может заказать нужные материалы, организовать и объяснить, как правильно вести работы, в результате чего приходилось по нескольку раз их переделывать. Поэтому работа шла медленно, с большим отставанием от плана-графика. Бывает же, что мать-природа не наделяет человека талантом руководителя, казалось бы, простым качеством. Упомянутый неоднократно выше начальник участка Комаров тоже изредка поругивал его, при этом умышленно искажая фамилию на Черторыльского. После чего обычно просил Анатолия на неприятные слова не обижаться, так как «...строителей хвалят только тогда, когда выносят вперед но-

гами». А как-то он произнес в адрес Анатолия достаточно многозначительную фразу, которую неоднократно высказывал и другим с некоторыми вариациями слов: «Родина тебя не забудет, хотя народ хрен простит!». Вообще, Анатолий был квалифицированным и знающим инженером. Общежитийцы, зная все это, часто подтрунивали над незадачливым инженером-мостовиком. Как-то предстояло отметить его день рождения, и несколько человек решили сочинить Анатолию рифмованные поздравления. Я тоже подключился к этому процессу, написав своего рода оду. Аплодисменты вызвало в ней такое четырехстрочие:

*Но он мостов совсем не строил,
Не ставил каменных быков:
Его отправили за зону
Во зло мордовских мужиков!*

Сам Анатолий тоже был в восторге от краткого, но очень точного подчеркивания его проблем. Последняя же строка вообще вошла после этого в лексикон общежитейцев при встречах с ним: «Ну как, держат еще зло мордовские мужики?». Много позже он нашел все-таки свое место в жизни, успешно занимаясь разработкой проектов в отделе капитального строительства завода «Авангард». Мне Анатолий еще памятен тем, что имел редкий в то время «гоночный» велосипед (на самом деле он назывался спортивным) харьковского завода с переключением трех скоростей на ходу и с металлическими штрипсами на педалях. Они позволяли создавать усилия вкруговую обеими ногами на каждую педаль, что облегчало движение на велосипеде в гору. Анатолий регулярно участвовал на нем в городских соревнованиях и занимал призовые места. Мне он тоже разрешал совершать на велосипеде прогулки по городу, и я долго мечтал приобрести себе такой же, позднее все-таки осуществив покупку. Анатолия не стало в 2006 году.

В общаге жило много инженеров и техников, работающих в строительном и монтажном управлениях. Запомнился высокий и интеллигентный, всегда с иголки одетый и при галстукe Игорь Горшков – архитектор с дизайнерским уклоном. Ему было поручено красиво отделать строящийся Дом культуры на нынешней площади В. И. Ленина. Суть в том, что в проектно-чертежной документации не заложили внутреннее и внешнее архитектурно-художественное оформление здания. Поэтому предполагалось, что при разработке Горшковым удачных решений они будут официально приняты и введены в проект, который станет считаться типовым для Минсредмаша, и аналогичные здания именно с такой отделкой и будут строиться в других городах. Игорь проработал огромное число вариантов интерьера и внешнего вида здания с разнообразной лепниной. Он часто приглашал вечерами ИТР-строителей к себе в комнату для обсуждения и критики дизайнерских его прорисовок, а также выработки новых предложений. Были очень горячие споры и дебаты, которые позволили ему найти удачные, с моей точки зрения, оформительские приемы. Однако в имеющейся при строительстве мастерской по изготовлению алебастровой лепнины не всегда брались

делать предлагаемые Игорем формы для типовой отливки повторяющихся орнаментов или других видов украшений, считая их очень сложными. Тогда он надевал халат и фартук и сам становился на несколько дней мастером этого дела. А руки у него были золотые. Приемка Дома культуры в 1956 году в эксплуатацию производилась большой министерской комиссией, признавшей его как высококачественное типовое для всех закрытых автономно-территориальных образований (ЗАО) здание. Игорь был награжден значительной денежной премией, на которую он организовал праздничную вечеринку в столовой, пригласив на нее многих коллег по общежитию.

Жил здесь и Леонид Николаевич Топтунов – будущий главный инженер Управления строительства (1960–1962 гг., 1969–1971 гг.) и начальник строительства (1962–1965 гг.). С ним вместе из одного вуза приехали – Верейкин, Душаков и Пичугин. Все трое быстро женились, и им выделили здесь по комнате. А Топтунов долго оставался холостым и запомнился тем, что, имея первый разряд по шахматам, устраивал вечерами показательные игры на 2–3 досках и всегда выигрывал. Я в техникуме тоже неплохо играл в шахматы, обучаясь этому у моего однофамильца с путейского отделения, который был мастером спорта по шахматам и ежегодно на областных турнирах подтверждал данную квалификацию, так как тогда за нее платили ежемесячно 600 рублей, не малую по тем временам сумму. Он вместе со мной и в присутствии других ребят часто теоретически разбирал сыгранные гроссмейстерские партии и практически еженедельно тренировал меня. Поэтому здесь «на объекте» я тоже обычно выигрывал шахматные партии. Топтунов, зная об этом, неоднократно уговаривал меня сыграть с ним. Но я видел, что в теории и практике шахмат он сильнее меня, а потому проигрывать при большом количестве болельщиков мне не хотелось. Под разными предложениями я неоднократно уклонялся от игры с ним. Однако долго это продолжаться не могло, и однажды мне пришлось сесть с ним за шахматную доску с уверенностью в моем проигрыше. Но я решил максимально напрячься и, если придется сдавать партию, то чтобы окружающие видели, что я сопротивлялся квалифицированно. Игра длилась долго, и, надо же, я эту партию выиграл! Честолюбие Леонида Николаевича было задето настолько, что он стал буквально умолять меня сыграть тут же еще одну партию. Однако я при всех сказал ему, что время мое очень дорого, и потому пусть он еще потренируется и поизучает теорию, а когда созреет, то, может быть, я и уделю ему еще один вечерок. Это, конечно, была шутка. Примерно через полгода мне пришлось опять сразиться с Топтуновым в шахматы, и снова он проиграл. Тут скорее всего его подвело психологическое состояние, так как перед игрой я немного завел Леонида при болельщиках тем, что долго расспрашивал, какие и сколько учебников по шахматам он за прошедшее время просмотрел, а после каждого его хода интересовался, подумал ли он хорошо, прежде чем переставил фигуру, сделал ли он это согласно теории, и т. д. Конечно, это все сопровождалось и дополнительными комментариями, и репликами присутствующих в наш адрес. После очередного проигрыша Топтунова я заявил, что

навсегда отказываюсь играть со слабоподготовленным противником. Примерно лет через 15 при нашей встрече, когда он был уже начальником строительства, он напомнил мне об этих партиях, хотя я о них уже и думать забыл. А он, оказалось, грезил о реванше все эти годы. Л. Н. Топтунов был квалифицированным специалистом со здоровым желанием карьерного роста, хорошо проявил себя на стройке в разных должностях. У него был сын Сергей, который закончил МИФИ, и по просьбе Леонида Николаевича я помог оформить его на работу в мою группу в период 1977–1980 годов. Сережа был теоретически очень подготовленным и толковым инженером с перспективой быстрого роста, и я сожалел, что он решил перевестись в Москву в ПромНИИпроект, так как Топтуновы приобрели какое-то жилье в Селятино (в Подмосковье). Начавшийся упадок в Управлении строительства после внезапной кончины в 1986 году его талантливейшего начальника В. В. Захарова, развал строительного хозяйства в Сарове, безработица и сокращение персонала сильно затронули и Топтунова. Он был переведен в заместители главного инженера по безопасности труда, а в 1995 году, как и многие строители, вообще сокращен и стал находить утешение в потреблении алкоголя, который свел его в могилу в 2003 году.

За время проживания в общежитии запомнились два трагических случая. Как я уже писал выше, мы сообща отмечали государственные праздники, дни рождения и обязательно дни получения аванса и зарплаты. А на следующее утро многие бегали по квартирам с больной головой в поисках спиртного, чтобы опохмелиться. А так как черно-белой фотографией увлекались тогда многие, то в ваннных или даже на кухнях обычно стояли бутылки с разведенным проявителем и закрепителем-фиксажем (в этом вопросе технику безопасности мы совершенно не соблюдали). Так вот утром старший мастер по автоделу после крепкой выпивки накануне и хватил стакан фиксажа на кухне, приняв его за остатки водки. Через несколько часов он упал без памяти, и его увезла в больницу скорая помощь, где врачи «колдовали» над ним в течение трех месяцев. Но затем вынуждены были дать ему инвалидность и неходячего отправить с приехавшими родственниками домой, где он вскоре и скончался.

А техник-электрик Сережа был очень влюбчив. Он на танцах находил каждый месяц себе новую подругу, причем обязательно рассказывал всем, какая она необыкновенная и что это у него последняя любовь «точно и однозначно навсегда, на всю жизнь, другой ему никогда не надо». Но... через месяц разгоралась опять очередная последняя любовь. Общежитейцы – народ молодой и не очень щепетильный даже в личных и сердечных делах – часто подтрунивали над парнем, ведя счет его последовательным увлечениям: «Сергей! Что-то мы сбились со счета. У тебя в следующем месяце будет пятая или восьмая самая красивая и необыкновенная девушка?» или «Сергей! Нам гулять на свадьбе у тебя с десятой или с пятнадцатой сверхпрочной любовью?». Он не обижался, понимая свою слабость к женскому полу, и обычно отвечал: «Ребята! Ну что я могу поделать, если меня природа создала с таким влюбчивым характером!». Однажды прислали ро-

дители Сереже заверенную телеграмму, что у них произошла некая семейная драма. На самом деле у них ничего не случилось, но существовал такой метод повидаться с сыном, который уже четыре года не выезжал за зону. И ему дали на две недели отпуск. Вернулся Сережа веселый и счастливый и рассказал всем, что встретил он Галю – необычайно симпатичную и умную девушку (показывал ее фотографию), что они взаимно сразу влюбились и поклялись быть всю жизнь вместе. Только ей надо доучиться один год в техникуме. Договорились писать письма друг другу каждую неделю. И вот он уже первое письмо отправил. Прошла неделя, Сережа отправил второе письмо, а ответного все не было. Через десять дней парень совсем загрустил, через 15 дней здорово запил, повторяя часто в подпитии, что жизнь без Гали ему совсем не мила. Ребята не очень понимали его, все твердили, что вон сколько молодых и веселых девчат, приглашали его на танцы, чтобы совместно выбрать ему самую-самую... Но на сей раз уговоры завести новую любовь не действовали. И как-то в воскресенье все жильцы из нашей квартиры и из той, в которой жил Сергей, пошли в кинотеатр. А он категорически отказался. И когда мы вечером вернулись из кино, то дверь в комнату Сережи оказалась как бы чем-то подпертой изнутри. Несколько человек нажали на нее, и дверь с трудом приоткрылась. Один из нас протиснулся в комнату и вдруг громко и бессвязно закричал. Протиснулся в комнату сразу и второй, с трудом раскрыв шире дверь и все увидели мертвого Сережу, который сидел на полу на корточках, привязав к ручке двери ремень и затянув его петлю на шею. Мы начали делать ему массаж сердца и искусственное дыхание, вызвали скорую помощь. Но оживить его нам и врачу оказалось уже не под силу. А ни одно ответное письмо от Гали так и не пришло, даже после смерти Сергея.

Наш участок во главе с В. И. Комаровым начал первым в Сарове строить в 1953 году квартал из 12 трехэтажных домов между современными улицей Дзержинского, проездом Коробкова, проспектами Мира и Откябрьским (тогда, конечно, этих названий не было). До этого все дома сооружались двухэтажными, так как территория в зоне была признана сейсмоопасной, ибо проводимые на площадках в интересах ВНИИЭФ газодинамические исследования с использованием химических взрывчатых веществ возбуждали ударные волны и колебания почвы. Поэтому по правилам для повышения устойчивости домов создавался над оконными проемами каждого этажа общий железобетонный монолитный пояс по всем капитальным стенам. Опыт показал, что такие пояса обеспечат достаточную прочность домов и повышенной этажности. Но сначала решили добавить всего один этаж к двум и проверить теорию на практике. Мне было поручено руководить строительством домов по проспекту Мира. Первый котлован начали копать под фундамент дома на углу улицы Дзержинского и проезда Коробкова. Как-то при привязке к реперам и отметкам котлованов следующих домов и установке обносок (деревянные ограждения) для нанесения на них осей стен здания прибегает один з/к и говорит, что меня срочно зовет экскаваторщик с первого дома. Оказалось, что на глубине около двух метров он зацепил ковшем

и приподнял каменную плиту, под которой видны кости. Рабочие, которые на проектной глубине зачищали вручную дно котлована и выравнивали за экскаватором земляное основание под предстоящие фундаменты, тут же собрались посмотреть – не обнаружится ли здесь какой-либо клад. Я попросил з/к освободить верхнюю поверхность плиты от грунта и обмести ее. На ней были выбиты слова, что здесь похоронен иеромонах, имя которого и годы жизни на земле я теперь уже и не помню. Затем подняли плиту, и все увидели человеческий череп и кости скелета. Я знал, что в таких случаях надо прекратить все работы и сообщить об этом непосредственному руководству, а потому и доложил В. И. Комарову. Капитан пришел, покрутил в руках череп, сказал, что отверстий и проломов в нем нет, значит человек умер естественной смертью и очень давно. Поэтому никакого криминала здесь нет и никому выше ничего сообщать не надо. Кости соберем, выкопаем небольшое углубление около основания фундамента с внешней стороны и по-христиански перезахороним их. Так и сделали. Плиты саркофага подняли наверх и продолжили работу. И только через 50 лет я понял, что поступили мы очень неправильно. Когда с 1990-х годов начали восстанавливать монастырь и изучать его историю, то оказалось, что неизвестна окончательная судьба ряда служителей, сделавших немало во имя прославления Саровской пустыни, и не определены места их упокоения. А если бы записать где-то и сохранить надпись на надгробии, то еще одной тайной стало бы меньше, тем более странно, что могила почему-то была сделана за стенами монастыря в густом тогда здесь лесу.

Любопытно, что по прошествии более 30 лет мне пришлось жить с семьей с 1983 по 1988 годы в доме № 9 по проспекту Мира, строительством которого руководил тогда я. И к состоянию квартиры у нас претензий не было, так что з/к работали в те давние времена добротнo, а железобетонные пояса над оконными проемами трех этажей крепко связывали между собой все капитальные стены. Сегодня мы живем тоже в одном из домов этого квартала, но строительством его руководил уже не я.

В конторе на участке В. И. Комарова я встретился со своей будущей супругой, которая работала там вольнонаемным экономистом.

Учетником ежедневного выхода на работу вольнонаемных и членов бригад з/к служил политзаключенный, бывший полковник, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма в Военно-воздушной академии им. А. Ф. Можайского (Ленинград). Он был культурным и образованным человеком, имел ученую степень кандидата философских наук. Поэтому звали его в конторе уважительно Михаилом (хотя официально этого делать было нельзя, а только з/к). Он был известен тем, что каждый месяц писал письмо (а разрешалось одно в месяц), которое обязательно предварительно просматривал штатный цензор лагеря, в Президиум Верховного Совета СССР с единственной просьбой – сообщить, за что ему дали 10 лет тюрьмы; других просьб у него не было. Михаил рассказывал, что на кафедре прислали двух молодых старших лейтенантов, которые очень плохо учились в течение года, и он неоднократно представлял рапорты начальнику академии с

просьбой отчислить их с кафедры, так как они действуют разлагающе на остальной контингент. Но Михаила вдруг арестовали, один раз его допросил следователь, из разговора с которым он понял, что это были специально подосланные из министерства госбезопасности осведомители. Его не судили, но вынудили расписаться в документе, что он занимался антигосударственной пропагандой среди курсантов и потому был приговорен «тройкой» по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР на 10 лет лагерей. Имеются свидетельские показания двух лиц. Кто они, ему не сказали, как и конкретно, что и когда он говорил против советской власти. Осужденных таким образом среди з/к тогда было немало. В начале 1954 года Михаила расконвоировали, но, за что «намотали» срок, он так и не узнал.

Так как я учился в вечернем институте, то однажды меня пригласил к себе директор института С. П. Солодовник и сказал, что далее мне учиться в ведомственном высшем учебном заведении и работать на строительстве нельзя согласно статусу института; в нем повышают квалификацию только тех, кто работает по специальности на «объекте» (в вузе готовили инженеров-физиков). Поэтому, если я согласен, то институт быстро решит вопрос о моем переводе из Управления строительства в распоряжение «объекта». Естественно, что такое согласие я дал. Вряд ли следовало ожидать возражения руководства строительства, так как дефицита ИТР уже не стало в связи с начавшими прибывать на замену з/к воинскими строительными подразделениями, и в их среде находились офицеры со строительными специальностями или уже имеющие практический руководящий опыт сооружения зданий солдатами. Где-то через десять дней меня пригласили в ОК строительства и известили, что получено указание откомандировать меня постоянно на «объект» и что я должен сдать все дела и числящиеся за мной чертежи и материальные ценности, получить все подписи на обходном листке и явиться с ним в ОК. Будучи заинтересованным, я оперативно рассчитался по всем направлениям на участке и через два дня получил соответствующие документы о переводе меня на «завод измерительных приборов», т. е. на «объект».

К настоящему времени выпущено достаточно большое количество мемуарной литературы, посвященной становлению и разработке атомного и термоядерного оружия во ВНИИЭФ, строительству города, работе партийной и комсомольской организаций. Однако о героической работе строителей Сарова, конкретных лицах, драматических и иных событиях, а также о случайно оказавшихся на какое-то время у руля строительства людях и отрицательно повлиявших на развал всей структуры и эффективно действующего огромного хозяйственного комплекса Управления строительства практически ничего не написано. Мне навсегда запомнились легендарные, уже упоминавшиеся выше, начальники строительства полковник В. И. Анисков, генерал-лейтенант И. С. Любый (переведен в 1960 году в Обнинск) и патриот города Виктор Васильевич Захаров, главный инженер В. Я. Кузько, высокий стройный малоразговорчивый мужчина, крупный и всеми уважаемый специалист своего дела и интеллигентнейший человек,

который, работая с заключенными, не только ни разу не произнес матерщинного слова, но и вообще какого-либо бранного выражения (в 1960 году переведен в чине полковника в Обнинск, а в 1963 году – в Навои для сооружения металлургических предприятий Узбекистана и Таджикистана, а также обогатительного комбината и попутной добычи золота, скончался в 1996 г.), заместитель главного инженера Н. А. Коган. Я бы с удовольствием прочитал и о людях с меньшими должностями, с которыми мне приходилось вместе работать и общаться, о таких, например, как главный инженер третьего строительного района В. Ф. Галайко, начальник участка капитан В. И. Комаров – оригинальный человек, его сын Анатолий Васильевич (старший прораб), прорабы Борис Дрожжин и Николай Полукаров.

Отдельную повесть можно было бы написать о начальнике участка жилищного строительства – Онисифоре Никандровиче Почекунине, буряте, крепком сибирском и неунывающим мужике. Он был осужден якобы, по его рассказу, за приписки в нарядах женщинам-отделочницам, которые «на гражданке» работали в его прорабстве и потому его обвинили в хищении государственных средств и отправили в лагерь в Саров. Будучи з/к, он исполнял ударно обязанности прораба и освободился уже в 1949 году. Для «Никандрыча» (так звали его многие) строительное дело было его специальностью, хобби и самой жизнью. Ничем другим он не интересовался. На стройке мог находиться днями, ночами и в выходные дни. Быстро став начальником строительного участка, он очень умело организовал работу, построил самое большое количество жилых домов в Сарове. Я с ним был очень хорошо знаком, так как наши семьи жили почти 20 лет на одной лестничной площадке – дверь в дверь. Как и каждый «настоящий строитель» (выражение Никандрыча), он любил и качественно отдохнуть в официальные праздничные дни. Будучи заводилой, приглашал к себе домой много знакомых, был тамадой, галантным кавалером-танцором и исполнителем песен. Много их знал из лагерного репертуара. Пожалуй, своего рода гимном у него была песня «Я помню тот Ванинский порт и вид парохода угрюмый...». Лагерное прошлое сдерживало его карьерный рост, как и его награды. Скончался он тоже скоропостижно, дома в обеденный перерыв.

Конечно, правдивости ради надо рассказать и о начальниках Управления строительства, которые последовательно после внезапной кончины Захарова назначались на короткое время на этот ответственный пост, хотя не обладали нужными для этого качествами и знаниями, не болели за порученное дело. Как вспоминают до сих пор здравствующие строители (да и я это видел), наибольший развал Управление получило после назначения его начальником В. В. Малышева, главного механика, не разбирающегося в строительной специальности. Управление было реорганизовано в 1994 году в Саровское строительное-подрядное акционерное общество (ССПАО) и быстро покатило к банкротству.

Я уже упоминал в этой главе еще одного знатного строителя – Ивана Петровича Воронина, который много сделал для города и ВНИИЭФ и с которым я

до сих пор поддерживаю хорошие отношения. Он родился в Шатках, закончил в 1947 году Горьковский строительный техникум и был направлен на работу в Строительство № 880 в Шатки-1 (теперь Саров). В течение 56 лет лично участвовал и успешно руководил сооружением многих промышленных и гражданских зданий в Сарове, например, ТЭЦ с котлами высокого давления, двух железобетонных мостов через реку Сатис и т. д. В 1970 году Воронин был назначен начальником СМУ-5, созданного как специальное отделочное подразделение. Хорошо сплоченный коллектив, максимальная механизация работ на уровне передовых научных методов и достижений, создание благоприятных условий на работе, организация здорового соревнования между бригадами и гласное поощрение передовиков позволили быстро повысить производительность труда в 2,5 раза и обеспечить сдачу объектов в эксплуатацию с оценками «хорошо» и «отлично». Где только не работали специалисты СМУ-5! В Ташкенте после землетрясения отделывали вновь построенную гостиницу «Узбекистан», в Навои – общежитие, в Саранске – здание Управления строительства и эксплуатации дорог Мордовии, в Горьком – комплекс атомной котельной, здание Научно-исследовательского института измерительных систем (НИИИС) им. Седакова, гостиницы, поликлинику, жилой дом в 12 этажей, в котором проводил ссылку академик А. Д. Сахаров, и т. д. Активно участвовало СМУ-5 в подготовке сооружений к проведению в Москве в 1980 году «Олимпиады-80». За отделочные работы с оценкой «отлично» комплекса «Стрельбище» с двумя гостиницами, столовой и другими объектами была присуждена СМУ-5 Государственная премия (ее лауреатом стал прораб СМУ-5). Интересно отметить, что когда через 10 лет администрация комплекса «Стрельбище» решила провести ремонт зданий, то запросила прислать в Москву для производства ремонтных работ только рабочих СМУ-5 из Сарова.

Много места заняло бы перечисление всего, что строилось и отделывалось под руководством Ивана Петровича. Поэтому город Саров – это, по существу, памятник ему в камне жилых домов и производственных сооружений. За многолетний добросовестный и творческий труд И. П. Воронин стал кавалером орденов Ленина и «Знак Почета», награжден многочисленными медалями, Почетными знаками, грамотами, включая Совмина РСФСР, и др.

Мне очень понравилась подготовленная В. Черниковым и изданная в 1996 году книга [13] о героических и чрезвычайно трудных днях строителей Южно-уральского управления строительства (ЮУС), соорудивших комплекс сложных производственных зданий для получения оружейного плутония (ныне химический комбинат «Маяк», город Озерск с населением около 90 тыс. человек). Стройка началась в 1945 году в условиях непроходимой тайги и велась сверхинтенсивно, ибо от получения плутония для первых отечественных атомных бомб зависело быть или не быть Советскому Союзу. Как и все другие ЗАТО, город имел серию названий – База-10, Челябинск-40, Челябинск-65. Последовательно построили серию реакторов, радиохимические заводы и относящиеся к ним сопутствующие производства. В 1949 году получили около десяти килограммов

плутония для первой бомбы. Взрыв ее был произведен 29 августа 1949 года и лишил Америку монополии на ядерное оружие. В книге отражена 50-летняя деятельность строителей с указанием особо отличившихся лиц и высококвалифицированных начальников строительства – генерал-майора Я. Д. Рапопорта, генерал-майора М. М. Царевского, полковника П. Т. Штефана, генерала А. К. Грешнова, А. В. Пичугина, Г. М. Сапрыкина, а также случайно или по протекции оказавшихся у руля строительства бездарных П. П. Честных, В. М. Мусинова, А. Г. Белошицкого и др.

При встрече с И. П. Ворониным в начале 2008 года я посетовал, что у нас в Сарове строители тоже работали героически, но о них никто ничего не написал. Может, кто-то когда-то и возьмется по архивным документам изложить историю строительства в Сарове. Но в документах не отражены человеческие отношения и переживания. А они являются очень важным фоном того времени. Недаром А. С. Пушкин, собирая материалы для планировавшихся произведений о пугачевщине, отметил: «Устные свидетельства об исторических личностях точнее говорят о времени, нежели труды самых добросовестных историков». Здравствующих же строителей остается все меньше. Я обратился к Воронину с вопросом, не мог ли бы он, хорошо еще помня имена, значимые и интересные события, попытаться связать все это в соответствующую рукопись. И Иван Петрович ответил, что, прочитав книгу [13], ему стало по-доброму завидно южноуральским строителям, многих из которых он знал лично. Поэтому он начал собирать, компоновать и записывать свои воспоминания о делах строителей нашего славного города. Дай Бог здоровья, памяти и долгих лет жизни Ивану Петровичу, взявшемуся добровольно за нелегкий и не очень благодарный труд написать книгу о строителях Сарова и увидеть ее как изданную и очень нужную для истории и потомков.

Отмечу, что, кроме меня, несколько выпускников Рязанского техникума железнодорожного транспорта тоже внесли свой вклад в строительство города Сарова и промышленных сооружений ВНИИЭФ. Так, прибыв в 1951 году на «объект», я встретил тут Антонину Баранову (затем – Дрожжину), с которой вместе учился в одной группе в техникуме два последних года. Только ей после окончания учебы сразу дали направление на работу сюда без тех мытарств, которые достались мне. Она работала в планово-производственном отделе Управления строительства до ухода на пенсию. В 1952 году приехали во ВНИИЭФ сразу пять выпускников этого техникума, которых я знал в последние мои два года учебы: Ю. Д. Балашов, А. К. Дегтярев, В. Д. Исаев, М. В. Кантонистов и В. М. Караваев. Они работали затем старшими мастерами, прорабами и старшими прорабами в строительном-монтажной конторе ВНИИЭФ (не с з/к). Балашов позже руководил группой смотрителей зданий на одной из полигонных площадок, где было 61 производственное здание и сооружение. Дегтярев через несколько лет уволился и стал продавцом в главном (тогда) книжном магазине города на ул. Ленина и затем – директором этого магазина. В то время люди много читали, и был

большой дефицит художественной литературы (особенно на подписные издания); я несколько раз, пользуясь землячеством, приобретал через директора ряд изданий. Дегтярев жил один и собрал богатую домашнюю библиотеку, предмет зависти многих в советские времена. Исаев, мой земляк – из Спас-Клепиковского района, работал строителем до ухода на пенсию. Кантонистов и Караваев примерно через 10 лет уволились из ВНИИЭФ и уехали на «большую землю».

Переквалифицировавшись в физика, я, тем не менее, считаю, что специальность строителя является одной из самых нужных и благодарных, хотя и трудных. Приняв участие в сооружении тех или иных промышленных и/или жилых зданий, ты как бы оставил потомкам памятники о себе, вложив в их созидательный процесс свой ум, знания, энергию. Ты этим обеспечил людям на земле самые необходимые условия для их счастливого существования – работы, семейной жизни, радостей. Глядя на такие здания-памятники, воскрешаются многие эпизоды, связанные с их строительством, и возникают образы коллег-строителей, живущих еще или ушедших в мир иной. Я думаю, что со временем на домах надо будет иметь информацию не только о номере и улице, на которой он расположен, но и о годе ввода дома в эксплуатацию и кто непосредственно руководил строительством данного дома.

14. УЧЕБА В ИНСТИТУТЕ НА ВЕЧЕРНЕМ ОТДЕЛЕНИИ

По прибытии в зону я узнал, что здесь в 1950 году открыто вечернее отделение № 4 Московского инженерно-механического института (позже переименованного в Московский инженерно-физический институт – МИФИ, сейчас ВНИЯУ «МИФИ»), созданного специально для пополнения квалифицированными кадрами подразделений «объекта». Постоянные мысли о желании получить высшее образование заставили пойти меня сразу в институт за сведениями об условиях приема абитуриентов в текущем году, возьмут ли работающего на строительстве, каков ожидается конкурс и по каким предметам будут вступительные экзамены. Все ответы устроили меня, и я начал постепенно повторять пройденные в техникуме учебные дисциплины. Качественное преподавание их тогда и жесткий спрос показали хорошее закрепление материалов в памяти, хотя прошло уже почти 3,5 года после окончания техникума. Глядя на меня, Николай Власов тоже начал готовиться к экзаменам, хотя и был большим любителем танцев и женщин.

Сдал я в августе 1951 года успешно все экзамены и был зачислен в институт. Николая тоже приняли в вуз, но продержался он в нем лишь два года. Учеба началась 1 сентября и рассчитана была на 6 лет. Изначально в нашей группе было 60 человек и почти все со среднетехническим образованием. Но в конце первого года осталось только 40. Учеба проходила четыре дня в неделю с 18-00 до 22-35, а в воскресенье – с 9-00 до 15-00. Большинство преподавателей были совмести-